

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Злобин А.А.</i> СМЫСЛОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ КОНЦЕПТА <i>ШАРАШКА</i> И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РОМАНЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»	8
<i>Иванова Т.Ю.</i> ЭКСПРЕССИВНАЯ ФУНКЦИЯ ОТРИЦАНИЯ В ДРАМАТУРГИИ А.Н. ОСТРОВСКОГО	14
<i>Лагузова Е.Н.</i> ОПИСАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ ОБОРОТЫ В «ПИСЬМОВНИКЕ...» 1796 ГОДА	20
<i>Насырова А.С.</i> ФУНКЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ АББРЕВИАТУР В СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТНОЙ РЕЧИ	27
<i>Шкварцова Т.В.</i> СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК ИСТОЧНИК ПОВЫШЕНИЯ КРЕАТИВНОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА.....	32

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Климчукова В.Н.</i> СТИХОТВОРЕНИЕ «ПАМЯТЬ» КАК ПЕРВООСНОВА ПОЭТИЧЕСКОЙ КНИГИ Н. ГУМИЛЕВА «ОГНЕННЫЙ СТОЛП»	38
<i>Петрова А.В.</i> ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ РЕАЛЬНОСТИ В ПОВЕСТИ Н. САДУР «ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА»	48
<i>Соболева А.А.</i> МОТИВ КАСТАЛЬСКОГО ИСТОЧНИКА В СТИХОТВОРЕНИЯХ Г.Р. ДЕРЖАВИНА, А.С. ПУШКИНА И Н.М. ЯЗЫКОВА	57
<i>Стрельникова А.А.</i> ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КРИТИКЕ ВАЛЬТЕРА БЕНЬЯМИНА	64
<i>Чупринова Н.В.</i> ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ СЕСТЁР ТЕПЛОВЫХ НА СТРАНИЦАХ АЛЬМАНАХОВ НАЧАЛА 1830-Х ГОДОВ	72

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ»	79
---	----

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М.В. ЛОМОНОСОВА : КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ / ОТВ. РЕД. П.Е. БУХАРКИН, С.С. ВОЛКОВ, Е.М. МАТВЕЕВ. — СПБ.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2013	82
--	----

<i>Наши авторы</i>	91
--------------------------	----

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTICS

<i>A. Zlobin.</i> SEMANTIC MEANING AND REPRESENTATION OF THE «SHARASHKA» CONCEPT IN THE A. SOLZHENITSIN'S NOVEL «THE FIRST CIRCLE»	8
<i>T. Ivanova.</i> EXPRESSIVE FUNCTION OF NEGATION IN PLAYS BY ALEXANDER OSTROVSKY	14
<i>E. Laguzova.</i> DESCRIPTIVE VERBAL-NOMINAL PHRASES IN «PISMOVNIK...» (1796).....	20
<i>A. Nasyrova.</i> FUNCTIONS OF FOREIGN ABBREVIATIONS IN MODERN NEWSPAPER SPEECH.....	27
<i>T. Shkvartsova.</i> WORD FORMATION AS A SOURCE OF INCREASING CREATIVITY IN THE JOURNALISTIC TEXT	32

SECTION II. LITERARY STUDIES

<i>V. Klimchukova.</i> THE POEM “MEMORY” AS A BASIS OF THE POETIC N. GUMILYOV'S BOOK “PILLAR OF FIRE”	38
<i>A. Petrova.</i> THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF EXTERNAL AND INTERNAL REALITY IN NINA SADUR'S STORY “PERMAFROST”	48
<i>A. Soboleva.</i> THE MOTIVE OF THE CASTALIAN SPRING IN THE POETRY OF G. DERZHAVIN, A. PUSHKIN AND N. YAZYKOV	57
<i>A. Strelnikova.</i> THE CRITICAL WORKS OF WALTER BENJAMIN ABOUT THE LITERARY PROCESS IN THE WEIMAR REPUBLIC.....	64
<i>N. Chuprinova.</i> POETICAL DIALOG OF TEPOV SISTERS ON THE PAGES OF ALMANACS OF EARLY 1830S.....	72

SCIENTIFIC LIFE

RUSSIAN SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE «PROBLEMS OF MODERN RUSSIAN STUDIES»	79
---	----

REVIEW

BOOK REVIEW: PHILOLOGICAL HERITAGE OF M. LOMONOSOV: COLLECTIVE MONOGRAPH / ED. P. BUKHARKIN, S. VOLKOV, E. MATVEEV. – SPB.: NESTOR-HISTORY, 2013.....	82
---	----

<i>Our authors</i>	91
--------------------------	----

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1

Злобин А.А.

Вятский государственный университет

СМЫСЛОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ КОНЦЕПТА *ШАРАШКА* И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РОМАНЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям лексической репрезентации концепта *шарашка* в романе А.И. Солженицына «В круге первом». Определено его значение, место в языковой картине мира писателя, рассмотрены сочетаемостные возможности. Проанализировано соотнесение семантических компонентов концепта *шарашка* со смысловыми фрагментами ключевых для А.И. Солженицына концептов *воля* и *свобода*. Охарактеризованы лексические единицы, репрезентирующие данные концепты: *вольные, вольняшки, свобода, освобождение, освободить*. Сделан вывод о расширении смыслового пространства концепта *шарашка*.

Ключевые слова: концепт *шарашка*, семантика, лексическая репрезентация, язык А.И. Солженицына.

A. Zlobin

Vyatka State University

SEMANTIC MEANING AND REPRESENTATION OF THE «SHARASHKA» CONCEPT IN THE A. SOLZHENITSIN'S NOVEL «THE FIRST CIRCLE»

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the lexical representation of the «sharashka» concept in Solzhenitsin's novel «The First Circle». It determines the concept's value, place in the language picture of the world of the writer, and considers the possibilities of the compatibility. The point of correlation between the concept's semantic components and sense fragments of Solzhenitsin's «freedom» and «volya» key concepts is analyzed. The conclusion about broadening of the concept «sharashka» semantic area has been drawn.

Keywords: concept «sharashka», semantics, lexical representation, A. Solzhenitsin.

Известно, что действительность подвергается категоризации со стороны языка, то есть язык является неким опосредующим элементом между миром и сознанием человека. Концептуализация мира – процесс его освоения посредством языка, а концепты – компоненты познанного мира, репрезентированные в языке.

Особый интерес сегодня представляет собой языковая картина мира писателя, раскрывающаяся в его конкретном произведении и творчестве в целом. В связи с этим по-прежнему актуальны работы, связанные с изучением ключевых концептов в художественном тексте.

Объектом анализа данной статьи является концепт **шарашка** в языковой картине мира А.И. Солженицына. В знаковом романе автора «В круге первом» лексема **шарашка**, являющаяся репрезентатором одноимённого концепта, зафиксирована в 125 случаях.

В «Толковом словаре конца XX века. Языковые изменения» у данной лексической единицы, которая является элементом лагерного жаргона, фиксируется следующее значение: «В советское время – закрытое конструкторское бюро тюремного режима, в котором заключённые (учёные, конструкторы, инженеры) работали над решением военных и промышленных проблем» [6, с. 675].

Данное значение и реализуется в романе А.И. Солженицына, действие которого происходит в Марфинском научно-исследовательском институте, где используется труд заключённых – высококлассных учёных: физиков, математиков, филологов.

Уже на первых страницах романа автор раскрывает сущность и назна-

чение шарашки: *Все эти шарашки повелись с девятьсот тридцатого года, как стали инженеров косяками гнать. Первая была на Фуркасовском, проект Беломора составляли. Потом – Рамзинская. Опыт понравился. На воле невозможно собрать в одной конструкторской группе двух больших инженеров или двух больших учёных: начинают бороться за имя, за славу, за сталинскую премию, обязательно один другого выживет. Поэтому все конструкторские бюро на воле – это бледный кружок вокруг одной яркой головы. А на шарашке? Ни слава, ни деньги никому не грозят. Николаю Николаичу полстакана сметаны и Петру Петровичу полстакана сметаны. Дюжина медведей мирно живёт в одной берлоге, потому что деться некуда. Поиграют в шахматишки, покурят – скучно. Может, изобретем что-нибудь? Давайте! Так создано многое в нашей науке! И в этом – основная идея шарашек* [5, с. 81].

Статистические данные свидетельствуют о том, что основной синтаксической функцией для анализируемой лексемы является функция обстоятельства места, где выступает в качестве зависимого компонента не-предикативного подчинительного словосочетания, например: *Как-то, летним вечером сорок восьмого года, на марфинскую шарашку привезли нового зека* [5, с. 64].

Лексема **шарашка** чаще находится в грамматической зависимости у глаголов «бытия» и «состояния» (*быть, жить, оказаться, оставаться, понасть, пребывать, проживать, находиться*), значительно реже – у глаголов «движения» (*вернуться, гулять, идти*). Ср.: *Рубин на шарашку попал*

случайно. Перебивался тут переводами [5, с. 71]; Руська **был на шарашке** с лета [5, с. 86].

Главные герои романа – это люди, находящиеся в тюремном научно-исследовательском институте (спецтюрьме № 1 МГБ). Ситуация пребывания на шарашке расценивается ими по-разному.

С одной стороны, это место заключения, тотальной несвободы: *Ничего я, ребята, не жалею, что уехал. Разве это жизнь – на шарашке? По коридору идёшь – на Сиромаху наступишь, каждый пятый – стукач <...> Воскресений уже два года нет, сволочи. Двенадцать часов рабочий день! За двадцать грамм маслица все мозги отдай. Переписку с домом запретили* [5, с. 757-758].

С другой стороны, живя в условиях шарашки, человек способен различить подлинные и мнимые ценности, открыть высший смысл жизни: *Только в тюрьме, а не на семейной воле, мужчина так свободен в мыслях, не связан в поступках и готов к жертвам* [5, с. 104]; *В эти часы воскресных вечеров материя и тело не напоминали людям о себе. Дух мужской дружбы и философии парил под парусным сводом потолка. Может быть, это и было то блаженство, которое тщетно пытались определить все философы древности?* [5, с. 393].

А.И. Солженицын в романе постоянно подчёркивает, что **шарашка** – это лучший круг ГУЛАГа: *<...> Нет, уважаемый, вы по-прежнему в аду, но поднялись в его лучший высший круг – в первый. Вы спрашиваете, что такое шарашка? Шарашку придумал, если хотите, Данте. Он разрывался – куда ему поместить античных мудрецов? Долг христианина повелевал кинуть*

этих язычников в ад. Но совесть возрожденца не могла примириться. Чтобы светлоумных мужей смешать с прочими грешниками и обречь телесным пыткам. И Данте придумал для них в аду особое место <...> [5, с. 21-22]. Важным представляется также суждение Глеба Нержина, отправляющегося назад в лагерь: *Нет, Илья Терентьевич, это не ад. Это – не ад! В ад мы возвращаемся. А шарашка – высший, лучший первый круг ада. Это – почти рай* [5, с. 758].

Отдельные семантические компоненты рассматриваемого концепта соотносятся со смысловыми фрагментами других ключевых концептов языковой картины мира писателя – таких, как **воля** [3] и **свобода** [2].

Люди, пребывающие на шарашке, противопоставлены тем, кто находится на воле. Для номинации последних в романе используются две лексические единицы: **вольные** (27 примеров) и **вольняшки** (21 пример). Ср.: *Он отбыл свои положенные десять лет, после чего во внимание к длинному списку научных заслуг послан был в Марфино к **вольным** и проработал здесь три года* [5, с. 170]; *Но несмотря на тщательное оповещение о лекции, несмотря на всю притягательность её, марфинские **вольняшки** тянулись на неё как-то лениво и под разными предлогами старались задержаться в лабораториях* [5, с. 659].

Вольняшки, вольные у А. И. Солженицына – это те, кто не понимает истинных ценностей: **Вольняшки не знают цены вещам!** Для зэка, кому не всегда доступно дешёвенькое зеркальце меньше ладони, посмотреть на себя в большое зеркало – праздник [5, с. 101].

Люди, живущие на воле, по мнению писателя, не могут обрести подлинной

свободы и быть по-настоящему свободными: *У вольняшек не было бессмертной души, добываемой эсками в их бесконечных сроках, вольняшки жадно и неумело пользовались отпущенной им свободой, они погрязли в маленьких замыслах, суетных поступках* [5, с. 647-648].

В романе лексема *воля* в значении «свободное состояние, не в тюрьме, не взаперти» [4, с. 95] и производные лексические единицы – *вольные* и *вольняшки* – употребляются преимущественно заключёнными марфинской шарашки, например: *Я – здесь, а Иван Иванович отпросился штопать носки. Но мне, встречно, хотелось бы узнать, где шестнадцать вольных – то есть, товарищей, значительно более ответственных, чем мы?* [5, с. 236]; *Впрочем, профессор Челнов утверждал, что выражение это – «вложить душу», должно употребляться с осторожностью, что только зэк имеет бессмертную душу, а вольняшке бывает за суетою отказано в ней* [5, с. 227].

К подобному выводу приходит А.Д. Шмелёв: «В речи советских заключённых слово *воля* обозначало весь мир за пределами системы лагерей и в таком употреблении отразилось в представлении о *воле* как о внешнем, постороннем мире. Характерно, что слово *воля* (и его производные *вольный*, *вольняшка*) в таком значении могло употребляться только самими заключёнными, а также говорящими, как бы становящимися на их «точку зрения» [7, с. 34-35].

Сталин и созданная им система лагерей в представлении заключённых марфинской шарашки – олицетворение насилия над личностью, тотальной несвободы. Поэтому свобода

для заключённых обладает высшей ценностью. Совершенно естественно, что лексема *свобода* и производные лексические единицы *освободить*, *освобождение* используются в романе А.И. Солженицына достаточно часто (около 100 словоупотреблений).

Находясь на шарашке, заключённые мечтают о скорейшем освобождении. Ситуация выхода на свободу рассматривается как очень желаемая. Она, как правило, включает двух обязательных участников: объекта освобождения (того, кто стремится на свободу) и субъекта освобождения (того, кто способен дать свободу).

Объекты освобождения – заключённые Марфинской шарашки: *Сологдин, Нержин, Рубин, Бобынин, Спиридон Егоров, Руська Доронин, Хоробров, Герасимович, Потапов*.

В качестве объектов, которые стремятся получить свободу, могут выступать и целые группы людей: *крестьяне, массы, человечество*.

В большинстве случаев субъект освобождения не конкретизирован автором и не обозначен специально, тогда глагол *освободить* выступает в качестве предиката неопределённо-личного предложения, например: *В Верхне-Уральском изоляторе, например, из двухсот содержащихся освободили дюжину* [5, с. 223].

В результате действия, обозначенного глаголом *освободить*, объект становится свободным, то есть избавляется от каких-либо ограничивающих или стесняющих его обстоятельств или факторов. Освобождение предполагает устранение нежелательного фактора, мешающего человеку делать то, что он хочет, и достичь того, чего желает.

В подобных конструкциях на первый план выходит само действие, а не лица, которые его производят. Они мыслятся неопределённо. А.И. Солженицын тем самым подчёркивает, что субъектом освобождения является государственный строй, политическая система.

Однако в качестве субъекта освобождения может выступать Сталин. В романе единичны случаи, когда он назван пофамильно. Чаще всего автор использует другие номинации: *Хозяин, Вождь народов, Отец восточных и западных народов, Вождь Всего Прогрессивного Человечества, Мудрый Вождь, Пахан, Сам, Лучший Друг контрразведчиков, Друг всех народов, Корифей наук, Железная маска, Коба, Единодержец, Батька, Самый Родной и Любимый, Властитель, Величайший из всех Великих, Вождь мирового пролетариата, Собиратель славянства, Богоизбранный вождь, Мудрейший из Мудрейших, Отец, Всесильный, Корифей Языкознания, Отец и Друг, Лучший Ученик и Друг Ленина, Великий Кормчий.*

Значительно реже субъектами освобождения выступают тюремные надзиратели (*Шикин, Мышин, Смолоцидов, младшина*), министр госбезопасности (*Абакумов*).

По мнению М.М. Голубкова, «истинно свободными людьми предстают в романе те из героев, что сумели найти свободу в собственной душе – внутреннюю, тайную свободу в пушкинском смысле. Их свобода не зависит от внешних обстоятельств – зигзагов Системы, расположения или нерасположенности начальства. Лишённые системой всего – имущества, нормальной семьи, отцовства,

свободы, – эти герои способны осмыслить собственное положение как позитивное и забыть заботы самостроения, обретая свободу внутреннего самостояния» [1, с. 66].

В этом смысле принципиальны размышления заключённого Бобынина, в которых писатель формулирует смысл свободы следующим образом: «Свободу вы у меня давно отняли, а вернуть её не в ваших силах, ибо её нет у вас самих. Лет мне от роду сорок два, сроку вы мне отсыпали двадцать пять, на каторге я уже был, в номерах ходил, и в наручниках, и с собаками, и в бригаде усиленного режима – чем ещё можете мне грозить? Чего ещё лишитесь? <...> Вообще, поймите и передайте там, кому надо выше, что вы сильны лишь постольку, поскольку отбираете у людей не всё. Но человек, у которого вы отобрали всё, – уже не подвластен вам, он снова свободен» [5, с. 105]. Свобода, о которой говорится, отнюдь не внешняя. Это внутренняя свобода, которая свойственна людям, живущим напряжённой духовной жизнью. Этим даром наделены главные герои произведения: Нержин, Сологдин, Герасимович, Бобынин, Потапов.

Таким образом, особенности лексической репрезентации концепта **шарашка** в романе «В круге первом» позволяют сделать вывод о его особом месте в языковой картине мира писателя. Ядерные семантические компоненты данного концепта обнаруживают непосредственную связь с ключевыми для творчества А.И. Солженицына концептами **воля** и **свобода**, расширяющими и углубляющими его смысловое пространство.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Голубков М.М. А.И. Солженицын. В круге первом. М., 2002. 89 с.
2. Злобин А.А. Русский концепт «свобода»: от словаря к тексту (на материале произведений А. И. Солженицына) // Мир русского слова. 2009. № 1. С. 90-93.
3. Злобин А.А. Художественный концепт ВОЛЯ в языковой картине мира А.И. Солженицына // Проблемы полиграфии и издательского дела. М., 2010. № 6. С. 102-106.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений. – М.: Азъ Ltd, 1992. 960 с.
5. Солженицын А.И. В круге первом. М.: Художественная литература, 1990. 766 с.
6. Толковый словарь к XX веку. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складчиковой. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
7. Шмелёв А.Д. Лексический состав русского языка как отражение русской души // Русский язык в школе. 1996. №4. С. 33-36.

УДК 811.161.1'373.47

Иванова Т.Ю.*Московский государственный областной университет***ЭКСПРЕССИВНАЯ ФУНКЦИЯ ОТРИЦАНИЯ В ДРАМАТУРГИИ
А.Н. ОСТРОВСКОГО**

Аннотация. Статья посвящена анализу экспрессивной функции отрицания в драматургии А.Н. Островского. Рассмотрено явление экспрессивности, его компоненты: интенсивность, эмоциональность, оценочность, образность. Каждый из этих компонентов охарактеризован, проанализированы оттенки значений, которые выражены средствами отрицания в пьесах А.Н. Островского: усиленное отрицание, эмоции (раздражение, возмущение, гнев, пренебрежение, осуждение, сожаление), отрицательная оценка, троп с отрицательным значением как средство экспрессии.

Ключевые слова: отрицание, экспрессивность, экспрессивная функция, интенсивность, эмоциональность, оценочность, образность.

T. Ivanova*Moscow State Regional University***EXPRESSIVE FUNCTION OF NEGATION IN PLAYS BY ALEXANDER
OSTROVSKY**

Abstract. The article is devoted to the analysis of the expressive function of negation in plays by Alexander Ostrovsky. It considered expressivity as appearance and constituents of expressivity: intensity, emotionality, evaluation, figurativeness. Each of these components is characterized, and shades of meaning, which are expressed in forms of negation in plays by Alexander Ostrovsky, are analyzed: intensified negation, emotions (irritation, resentment, anger, disdain, condemnation, regret), negative evaluation, trope as means of expression.

Keywords: negation, expressivity, expressive function, intensity, emotionality, evaluation, figurativeness.

Экспрессивную функцию языка можно определить как «способность выражать эмоциональное состояние говорящего, его субъективное отношение к обозначаемым предметам и явлениям действительности» [1, с. 7] – по содержанию эта функция является одной из самых широких в языке и имеет средства выражения на всех языковых уровнях.

Отрицание также представляет собой общеязыковое явление, суть которого, по определению А.М. Пешковского, характеризуется следующим образом: «<...> связь между теми или иными двумя представлениями при помощи этой категории сознается отрицательно, т. е. сознается, что такая-то связь, выраженная такими-то формами слова и словосочетаний, реально не существует» [7, с. 386].

Цель данной статьи – показать возможность форм отрицания выполнять экспрессивную функцию в драматургических текстах А.Н. Островского.

Обращение к текстам А.Н. Островского как источнику лингвистического материала обусловлено двумя основными факторами. Первый из них – особенности драмы как рода литературы: тексты, относящиеся к драматургии, почти полностью (исключая только малое количество побочного текста), состоят из диалогов и монологов персонажей, художественно воссоздающих живую речь. Второй – специфика творчества А.Н. Островского. Герои его произведений – представители купеческого сословия XIX века, поэтому в репликах персонажей часто используются выразительные средства разговорного стиля. Экспрессивная функция языка наиболее активно реализуется именно в живой разговорной речи, отличающейся спонтанностью. В художественном тексте спонтанность речи персонажей мнимая, а не действительная, однако характерные черты сохраняются, поэтому драматургические произведения Островского дают возможность изучить реализацию экспрессивной функции средствами выражения отрицания.

Изучению экспрессивности уделяли внимание многие отечественные лингвисты: И.В. Арнольд, В.В. Виноградов, Е.М. Галкина-Федорук, В.В. Бабайцева, Г.А. Нехлина, Н.А. Лукьянова, В.К. Харченко, В.И. Шаховский и другие.

В основу данной статьи положено представление о наличии в категории экспрессивности следующих семантических компонентов: интенсивность, эмоциональность, оценочность, образность [6], [11]. Формы отрицания

потенциально способны выражать эти компоненты.

Необходимо отметить, что компоненты экспрессивности реализуются в тесной взаимосвязи, хотя в данной статье для ясности и удобства изложения рассмотрены каждый в отдельности.

Интенсивность – количественный признак проявления значения, его усиление по сравнению с нейтральной реализацией.

Усиленное отрицание в текстах А.Н. Островского может быть выражено целым рядом средств: сочетание нейтральной формы отрицания с собственно усилительной частицей, сочетание отрицания с наречиями типа *вовсе*, *отнюдь*, кумулятивное отрицание, повторы.

О собственно усилительных частицах В.В. Виноградов писал, что они «играют роль своеобразных качественных показателей смыслового веса слов или высказывания в целом» [3, с. 546]. К собственно усилительным относятся частицы: *ведь*, *да*, *же*, *уж*, *даже* и другие.

Например, усиленное отрицание, выраженное сочетанием отрицательной частицы *не* и усилительной частицы *ведь*: [Несчастливцев] <...> *Я ведь не разбойник, я честным, тяжёлым трудом добываю хлеб свой*; усиленное отрицание, выраженное сочетанием отрицательного модального слова *нельзя* с частицей *же*: [Подхалюзин] *Нельзя ж без хлопот-с*.

Наречия типа *вовсе*, *отнюдь*, сочетаясь с формами отрицания, указывают на высокую степень его проявления. Например: отрицание с предикативным словом *нет* и наречием *вовсе*: [Стеша] (*останавливается*

посреди комнаты). Уж и в самом деле, барышни, вам от неё жизнь **нет вовсе**.

При кумулятивном (множественном) отрицании одно отрицание в предложении выражается двумя или несколькими формами, что повышает интенсивность выражаемого значения. Например: отрицание, выраженное сочетанием частицы **не** с частицей **ни**: [Большов] *Да я лучше все огнём сожгу, а уж им **ни** копейки **не** дам*; отрицание, выраженное сочетанием частицы **не** и отрицательного местоимения **никто**: [Кручинина] *Да какое мне дело до вас? Я ищу своего сына; мне запретить **никто не** может*.

Примером отрицания с тремя элементами может быть сочетание отрицательной частицы **не** с отрицательными местоимениями **никого** и **никогда**: [Дулёбов] *Я человек деликатный, я **никогда никого не** оскорбляю, я известен своей деликатностью*.

Наибольшей интенсивностью обладает многократное отрицание, при котором отрицательные элементы присутствуют при всех членах предложения. Например: [Кулигин] *И всё шито да крыто – **никто ничего не** видит и **не** знает, видит только один бог!*

Повтор в предложении одной и той же формы отрицания также усиливает значение отрицания. Например: [Гурмыжская] ***Нет, нет, не хочу, не хочу*** – в реплике присутствует два повтора подряд, интенсивность отрицания очень высокая.

Н.Ю. Шведова выделяет иной вид повтора: «Повтор – это построенная по правилам разговорной речи, входящая в сложное образование (диалогическое единство) и потому синтаксически несамостоятельная реплика, имеющая в качестве своей основы эле-

менты первой реплики и подчиняющаяся ей по форме» [12, с. 283].

По классификации Шведовой, выделяется, во-первых, собственно повтор, при котором реплика или её часть воспроизводятся без изменений, а во-вторых, повтор осложненный: изменение формы повторяющейся реплики, добавление элементов: частиц, междометий, модальных и согласуемых слов или местоимений; удвоение. Например: повтор с удвоением: [Рисположенский] <...> *Ты думаешь, я на тебя суда не найду? **Погоди!*** – [Подхалюзин] ***Погоди да погоди!*** *Уж я и так ждал довольно* – в данном контексте повтор выражает высокую интенсивность значения несогласия.

Эмоциональный, по определению О.С. Ахмановой, означает «относящийся к выражению чувств, настроений, субъективного отношения» [2, с. 525]. В том же значении употребляются термины *эмотивный* и *эмотивность*.

В контексте диалога формы отрицания могут выражать различные чувства и настроения. Для текстов Островского характерны в основном значения негативных эмоций: раздражение, возмущение, гнев, пренебрежение, осуждение, а также сожаление.

Раздражение, возмущение и гнев являются реакцией на нечто, сказанное собеседником говорящего, иногда на личность самого собеседника. Например: отрицание с частицей **не** и глаголом в форме императива: [Кулигин] <...> *А я вам вот что доложу, ваше степенство: «И в рубище почтенна добродетель!»* – [Дикой] *Ты у меня грубить **не смей!*** *Слышишь ты!;* партикулярное риторическое высказывание отрицательной разновидно-

сти [4] с частицей **разве**: [Аграфена Кондратьевна] *Каково детище-то не наглядное! Прошу подумать, как она мать-то честит! Ах ты, болтушка бестолковая! Да разве можно такими речами поносить родителей?*

Пренебрежение проявляется в несомерном, неуважительном отношении к кому-то или чему-то, в отвержении говорящим кого-то или чего-то. Например: отрицание со сложной наречной частицей **вот и**: [Несчастливцев] <...> *Вместо паспорта у тебя в кармане статья Курских губернских ведомостей, где напечатано, что приехал актёр такой-то и играл очень скверно. Вот и весь твой вид*; отрицательное риторическое высказывание с прономинальным компонентом **что**: [Несчастливцев] *Что мне за дело до документов, я не подьячий.*

Осуждение имеет место в случае, когда ситуация воспринимается говорящим как недопустимая с точки зрения норм поведения. Например, конструкции с отрицательным модальным словом **нельзя**: [Лыняев] *Но нельзя же так вдруг, ни с того ни с сего бросить человека! Надо было прежде думать и заранее предупредить*; с отрицательным предикативным словом **ничего**: [Гурмыжская] *Уж как ни велико твоё усердие, а в чужом уме ты не была, значит, и болтать по пустякам ничего*; отрицательное риторическое высказывание с частицей **ли (ль)**: [Катерина] *Да что ты затеяла-то, греховодница! Можно ли это! Подумала ль ты!*

Сожаление говорящего вызывает ситуация, на которую он хотел бы, но не имеет возможности повлиять. Например, в предложении с отрицательным модальным словом **нельзя**:

[Устинья Наумовна] *Да, голубчик, нельзя! Рада бы я радостью, да уж я слово дала; в отрицательном риторическом высказывании со словом где*: [Кабанов] *Жива? – [Другой] Где уж жива! Высоко бросилась-то: тут обрыв, да, должно быть, на якорь попала, ушиблась, бедная!*

Оценка – суждение говорящего, его характеристика объекта, предмета или явления как положительного (мелиоративное значение) или отрицательного (пейоративное значение).

Для отрицания у А.Н. Островского характерно в основном выражение пейоративного значения, обычно в связи с отсутствием у предмета, явления или лица качеств или признаков, необходимых с точки зрения говорящего. Например, это значение могут выражать отрицательные риторические высказывания с прономинальным компонентом **какой**: [Рисположенский] *Какое уж наше житьё! Так, небо коптим, Аграфена Кондратьевна!*

То же значение оценки способны выражать фразеологические конструкции типа *Хорош жених*. Например: [Елохов] *И вам суд откажет, а завещание утвердит. – [Снафидина] Хороши же ваши суды! И как вам не стыдно, Макар Давыдыч!*

Яркую негативную оценочность приобретает отрицательное местоимение **ничего**, если оказывается применено для характеристики социального положения лица. Например: [Шелавина] *(смеётся). Да, в чинах. Ваше высоко-ничего, вот и весь его чин.*

Под образность понимается использование тропа для выражения какого-либо языкового значения. В основе образного средства отрицания может лежать метонимия — «вид

тропа, в котором явление или предмет обозначается с помощью других слов и понятий. При этом сохраняются сближающие эти явления признаки или связи». [9, с. 98].

Например: отрицание с фразеологизмом **ни на грош**: [Несчастливцев] <...> *У вас, водевильных актёров, только смех на уме, а чувства ни на грош* – значение несуществования, отсутствия проявляется с большей экспрессией, чем при употреблении форм отрицания, не содержащих в себе художественного образа, поскольку слово **грош**, обладая переносным значением «мало денег» [10, с. 628], не только означает отсутствие обсуждаемого явления, но подчёркивает полноту отсутствия: явление не проявляется даже в самом малом количественном выражении.

Иллюстрацией взаимосвязи разных компонентов экспрессивности может служить каждый из уже рассмотренных в статье контекстов. Например, в риторическом высказывании отрицательной разновидности: [Рисположенский] *Какое уж наше житьё! Так, небо коптим, Аграфена Кондратьевна!* присутствует не только отрицательная оценка, но также повышенная интенсивность отрицания и эмоциональный оттенок пренебрежения.

Говоря об отрицательных риторических высказываниях как средстве выражения отрицания, необходимо обратить внимание на тот факт, что эта форма отрицания обладает высокой имплицитной экспрессивностью, поэтому экспрессивная функция является для него основной [4].

В данной статье нами была рассмотрена экспрессивная функция отрицания в драматургических текстах

А.Н. Островского. За основу принято представление об экспрессивности как о категории, включающей в себя четыре семантические компонента: интенсивность, эмоциональность, оценочность и образность, которые реализуются в тесной взаимосвязи. Был выявлен присущий различным формам отрицания потенциал выражения экспрессивности. Интенсивность отрицания могут выражать сочетания нейтральной формы отрицания с собственно усилительной частицей или наречиями типа *вовсе, отнюдь*, кумулятивное отрицание и повторы. Выражать эмоции говорящего способно сочетание частицы **не** с глаголом в форме императива, сочетание знаменательного слова с частицей, отрицательные модальные и предикативные слова, риторическое высказывание отрицательной разновидности. Семантика оценки свойственна, в основном, таким средствам отрицания как отрицательное местоимение, фразеологические конструкции, отрицательное риторическое высказывание. Образное выражение отрицания присутствует во фразеологических конструкциях.

Таким образом, формы отрицания реализуют экспрессивную функцию в текстах А.Н. Островского. По итогам исследования можно утверждать, что отрицание предоставляет широкие возможности для реализации экспрессивной функции языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. М.: Высш. шк., 1984. 211 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове)/ под ред.

- Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 740 с.
4. Канафьева А.В. Риторическое высказывание: форма, семантика, функции. Монография. М.: МГОУ, 2011. 200 с.
  5. Лекант П.А. Категории рационального и эмоционального в русском языке и речи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 5. С.45-48.
  6. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск: Наука, 1986.
  7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
  8. Русская грамматика. Том II / под ред. Н.Ю. Шведовой – М.: Наука, 1980. 714 с.
  9. Тимофеев Л.И. Краткий словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1985. 312 с.
  10. Толковый словарь русского языка. Том I / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель: АСТ, 2000. 848 с.
  11. Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. № 3. 1976. С. 25-27.
  12. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской речи // РАН Институт русского языка. Ответственный редактор В.В. Виноградов. М.: Азбуковник, 2003. 378 с.

УДК 811.161.1'367

Лагузова Е.Н.*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.Ушинского***ОПИСАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ ОБОРОТЫ
В «ПИСЬМОВНИКЕ...» 1796 ГОДА**

Аннотация. В статье описаны особенности употребления описательных глагольно-именных оборотов, характерные для эпистолярных текстов конца XVIII века. Рассмотрены описательные обороты – формулы речевого этикета, выражающие благодарность, просьбу, учтивость. Проанализирована семантика описательных оборотов в нравоучительных письмах. Выявлено сходство описательных оборотов в разных типах писем. Доказано, что употребление описательных глагольно-именных оборотов в «Письмовнике...» отражает общие тенденции развития аналитических конструкций в период формирования русского литературного языка.

Ключевые слова: описательный глагольно-именный оборот, письмо, речевой этикет, компенсатор, каузативное значение, тенденции развития описательных оборотов.

E. Laguzova*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University***DESCRIPTIVE VERBAL-NOMINAL PHRASES IN «PISMOVNIK...» (1796)**

Abstract. The article describes the features of the use of descriptive verbal-nominal phrases that characterize the epistolary texts of the end of 18th century. It considers descriptive phrases, the formula of speech etiquette that express gratitude, request, politeness. Semantics of descriptive phrases in moralizing letters is analyzed. Similarity of these constructions in the different types of letters is revealed. It is proved that the use of descriptive verbal-nominal phrases in "Pismovnik" reflects the general trends in the development of analytical constructions during the formation of the Russian literary language.

Keywords: descriptive verbal-nominal phrases, letter, speech etiquette, compensator, causative meaning, trends in the development of descriptive phrases.

Описательные глагольно-именные обороты (ОГИО) закрепились в книжных стилях речи. Стилистическая отмеченность ОГИО справедливо связывается с их происхождением [5, с. 47]. Формирование ОГИО в XVIII - начале XIX вв. обусловлено влиянием произведений книжных жанров, в том числе и эпистолярных текстов. Обращение к одному памятнику XVIII в. даёт возможность проследить тенденции развития ОГИО в период становления русского литературного языка.

«Всеобщий секретарь, или новый и полный ПИСЬМОВНИК...» 1796 года представляет собой собрание писем разных типов: «обходительных», нравоучительных, коммерческих.

В «Наставлении» обращено внимание на слог писем, который не должен отличаться от обыкновенной речи, риторические фигуры неприличны. «Но в письмах приветственных можно награждать бесплотность материи изображениями речей гладких и учтивых. Надобно, чтоб во всём казалась некоторая приятность, которая бы к чтению побуждала; а равномерно должно бегать как невольных слов, так и деревенских. Ничто так не безобразит письма, как слова и наречия неупотребительные и нескладные» [1, с. XXXIV-XXXV]. В «Наставлении» отмечаются такие качества письма, как благопристойность, краткость; внятная речь («Но ясность надлежит соразмерять с разумом и понятием тех, кому оныя пишем, потому что одни легко понимают то, в чём другие находят затруднение»; 1, с. XXXVII), чистота.

Среди «обходительных» писем рассматриваются: известительные, совет подающие, обличительные, повелительные, просительные, рекомендательные, представляющие услугу, жалобу содержащие, выговорные, извинительные, содружественные, поздравительные, утешительные, благодарительные и др.

«Письмовник...» даёт представление о развитии формул речевого этикета в русском языке XVIII века.

Так, в речевом акте благодарности используются ОГИО *изъявить благодарность, изъявить благодарение, принести (приносить) благодарность, оказать благодарность*. Интересно, что статус адресата не влияет на выбор формы выражения благодарности. Ср.: 1) *Милостивый Государь мой! Имев честь получить почтенное и благосклонное ваше письмо..., не мог я*

*ни тогда, ни после того, во время продолжения беспрестанного по губерниям путешествия, даже по ныне на оное ответственность и **принести покорнейшую благодарность** за ваше ко мне благоволение (Письмо 50-е. О приятни); 2) Государь мой! Не опишу вам моего смущения, коим страдала душа моя, не получая долго от вас никакого известия, спешу единственно **принести** вам искреннейшую **благодарность** за ваше письмо от ... числа, вчера мною получено (Письмо 51-е. Изъявление удовольствия при получении отзыва от приятеля, от которого не было писем); 3) Государыня моя! ... Прошу не лишить меня тех милостей, коих доселе удостоивали меня и за которые потщусь **оказать вам чувствительнейшую благодарность** искреннюю любовь, с которою есмь, Государыня моя! (Письмо 27-е. Поздравление приятельницы с бракосочетанием); 4) Государь мой! При самом оставлении обитаемых нами мест, почитаю за долг **изъявить** вам признательнейшую свою **благодарность** за ваш прием и все оказанные вами мне учтивости ... (Письмо 108-е. Благодарность за благосклонный прием); 5) Государь мой! Я бы желал, чтобы было в моей силе **изъявить** вам мое **благодарение** за такую щедрость, которую я от вас получить честь имел... (Письмо 119-е. Благодарение за подарок); 6) Чувствительный опыт дружбы и благосклонности вашей оказан мне в старании вашем по делам моим; за что не умею, сколько должно, **изъявить** вам моей **благодарности** (Письмо 76-е. Признание дружбы) и др.*

ОГИО с компонентом *выражать / выразить*, зафиксированные в КС XVIII [3], в «Письмовнике...» не

представлены. Есть основания считать, что во второй половине XVIII века глагольно-именная модель «выразить + сущ. в вин. п.», возникшая под влиянием французского языка (в КС XVIII приведены примеры из переводных произведений Лессажа и Мармонтеля), не была продуктивной, получила активное развитие во второй половине XIX в., постепенно вытеснив ОГИО с глаголом *изъявлять* / *изъявлять* [4, с. 74].

В речевом акте просьбы фиксируются ОГИО с компонентом *иметь*, выражающие, в соответствии с требованиями к просительным письмам, особую почтительность, «когда требуют милости от человека высокого состояния» [1, с. XI]. Ср.: 1) *Сиятельный граф! Милостивый Государь! Вместо всех другими полученных по великодушному вашему ходатайству знатных награждений, будет для меня бесценным сокровищем возвращение высокой вашей милости, коея благодетельное действие подкрепит удрученные бременем старости силы мои и послужит мне и сирому семейству моему благом, кое мы вкушая, будем прославлять вас, благодетеля нашего, к коему я имел и имею глубочайшее почтение и нелицемерную преданность. Вашего сиятельства! Милостивого Государя! Всенижайший слуга; 2) Неотступно 20 лет имел я счастье пользоваться оным [благоволением. – Е. Л.] пред прочими моими сотоварищами; и сие единое было для меня бесценным вознаграждением (Письмо 40-е. К Графу просительное о возвращении прежней милости).*

ОГИО с глаголами *изъявлять* / *изъявлять*, *свидетельствовать* оказались уместны в письмах, выражающих

учтивость по отношению к знатым особам. Ср.: 1) *Милостивый государь! Простите великодушно смелость, которую я приемлю предстать пред Ваше высокопревосходительство **изъявлять** мое глубочайшее почтение, и не положище гнева, что я в многотрудных и важных Вашего Высокопр. упражнениях, которые занимают все драгоценные часы времени вашего, вам скачаю (Письмо 105-е. Почтительное к знатной особе); 2) Милостивый государь! И долг и благодарность за ваши отеческие ко мне благодеяния, сохраняя всегда в памяти моей любезное имя ваше, обязывают меня при всяком благоприятном случае **свидетельствовать** вам искреннейшее мое **почтение**; почему и при вожделенном дни рождения вашего не могу пробыть в безмолвии и **не изъявлять** вам **усердия**, с коим, при совершенной преданности, навсегда остаюсь ваш покорный слуга (Письмо 124-е. Изъявление почтительности благодетельствовавшей особе в день рождения) и т. п.*

Нравоучительные письма предполагают обращение к нормам поведения, ценностным ориентирам общества. В письмах подчёркивается значимость образования (*Как должно упражняться в науках – письмо 1-е; О пользе наук – письмо 36-е; О чтении книг – письмо 18-е*), важность соблюдения морально-этических правил (*Не должно помышлять, чтоб жить долго, но чтоб жить порядочно – письмо 2-е; Нет прибыли жить, но порядочно жить похвально – письмо 8-е; Благодеяния фортуны опасны – письмо 5-е; О благодеяниях – письмо 9-е; О ложной учтивости – письмо 4-е; О учтивости – письмо 19-е; О своенравии письмо 7-е; О свойствах и об особенных качествах*

честного человека – письмо 17-е; О вежливости – письмо 35-е). В нескольких письмах содержатся наставления родителей, обращённые к детям (письма 11-е, 12-е, 13-е, 16-е, 23-е – 29-е), советы и наставления родителям о воспитании детей (письмо 30-е) и др. По мнению авторов «Письмовника...», «в нравоучительных письмах надлежит изъясняться живее и сильнее, нежели во всех прочих. Нужно также, чтобы мысли были хороши, нравоучительны, наполнены приятностию и трогали бы разум и сердце» [179].

Элемент назидания, свойственный этим текстам, обуславливает употребление ОГИО, характеризующих духовный мир человека: чувства, ментальное состояние, поведение. В «Письмовнике...» фиксируются ОГИО с «компенсаторами» [2, с. 72]: *вдаваться в крайности, впадать в ужасную боязнь смерти, иметь разум, находить скуку, находить увеселение, находить удовольствие, питать ненависть, злобу, предаваться мщению, приходит в уныние* и т. п. Ср.: **Не питай** в себе **ненависти или злобы** против твоего ближнего; *ибо, предаваясь мщению, лишишься собственного своего спокойствия и навлечешь на себя множество огорчений* (Письмо 25-е); *Перо влечет меня против воли мой; сказать можно, что оно имеет чувство и что испытует сладчайшее удовольствие, которое я вкушаю, говоря о любезных наших детях* (Письмо 30-е); *Старайтесь, чтобы дети не примечали того, что им не доверяют и наблюдают все их поступки; тогда они приходят в уныние, ропщут и отвращаются тех самых, коих должно любить* (Письмо 30-е); *Благополучны те, кои в великих удовольствиях находят себе скуку и*

довольны бывают тихою и невинною жизнью (Письмо 18-е) и т. п.

Не случайно появление в текстах ОГИО с каузативными глагольными компонентами: *ввергать в несчастье, доставлять благосклонность, навести скуку, наносить трепет, привести в совершенство, привести в уныние, приводить в забвение, производить сообщение, производить согласие, давать наставления* и др. В нравоучительных письмах представлены «перспективные версии причинности» [2, с. 267]: сообщается о последствиях соблюдения / несоблюдения субъектом определённых правил. Ср.: *Роскошь вводит в долги, а долги ввергают во многие несчастья* (Письмо 28-е); *Писатели умягчают нравы, возбуждают нежность и приятное в мыслях согласие, приводят в совершенство чувства и дают разуму сию способность и сие одушевление, которое производит крепчайший союз общества и делает оное благополучным* (Письмо 36-е); *... домашнее воспитание обыкновенно бывает безопаснее для нравов; но в нем есть некоторое единообразие, холодность и бессилие, кои приводят детей в уныние и поглощают ревность...* (Письмо 30-е); *Писатели производят приятное сообщение и согласие наших мыслей* (Письмо 36-е) и т. п.

В коммерческих письмах, как указано в «Наставлении...», «должно говорить не в шутку, ибо дело касается до общей или частной просьбы», не рекомендуется употреблять метафоры, «цветочные и другие риторические фигуры». Ценится «естественный» слог, лаконичность письма, ясность выражения мысли [1, с. II].

В письмах данного типа употребляются ОГИО, обозначающие а) ком-

мерческую деятельность: *вести торг, производить торг, иметь торг, иметь коммерцию, производить мену*; б) результат коммерческой деятельности: *иметь выгоду, принести пользу, производить уменьшение*; в) материальное положение субъекта: *прийти в несостояние, прийти в упадок*. Ср.: Тридцать семь лет **вел я торг** свой порядочно, а ныне, когда приближаюсь уже к старости, разрушается здание, на коем утверждал свое и детей моих благополучие (Письмо 8-е. Изображение гибельных случаев, испровергших долговременной и продолжительной торг); *Вот, Милостивые Государи! Средство, которое предлагаем мы вам, чтоб **иметь** через несколько лет **коммерцию** и большие дела с нами* (Письмо 55-е. О представлении услуг для комиссии по намерению начать и продолжать корреспонденцию); *Жиды ... в рассуждении сего преимуществуют пред прочими иностранными, кои в Польше торгов не имеют и не могут **производить** столь выгодной с обеих сторон **мены**, которая далее Казани одна почти...* (Письмо 3-е. Удовлетворительной ответ); *Вы воспитаны в торговле, отец ваш оставил вам много имения и добрых наставлений для продолжения оной. При том, если вы в какое новое упражнение вступите, то труднее вам будет, а **пользы принесет** меньше* (Письмо 1-е. О коммерции); *Вы подумаете, что я всего тут лишился и чрез то **пришли** дела мои в **упадок*** (Письмо 80-е); *N...., на коего перевел я платеж помянутой суммы, что он **пришел в несостояние** и не может более платить...* (там же).

Успешная коммерческая деятельность предполагает умение поддерживать деловые отношения с «пар-

тнёрами». Уместны поэтому ОГИО завести корреспонденцию, сделать услугу, оказывать снисхождение, оказывать услугу, ОГИО-этикетные формулы: *иметь удовольствие, приносить благодарность, сделать удовольствии, приносить удовольствие и др.* Ср.: *Сим заключаю я с вами торговую свою переписку, коея воспоминание всегда будет **приносить** мне наиприятнейшее **удовольствие*** (Письмо 81-е. О уступке торгу другому); *...мы **делаем** вам **удовольствие** верным платежом, а вы должны соответствовать рачением своим в сделании для нас лучших товаров...* (Письмо 35-е. Изъявление неудовольствия при высылке некоторых не очень хороших товаров); *В прошедшем году имел я честь возобновить вам изустно уверения о моих к вам услугах, ныне же не могли **иметь** сего **удовольствия**, прошу заочно по получении сего письма отправить ко мне два ящика позументов...* (Письмо 47-е. О высылке разных железных, стальных и медных товаров) и т. п.

Вместе с тем чёткое жанровое разграничение в книге не прослеживается. ОГИО-формулы речевого этикета употребляются не только в обходительных, но и в коммерческих письмах. Ср.: *Уведомление, что товары в той же состоят цене, а о збавке ничего не слышно и о прочем. Государь мой! Прошу Вас удостоить меня вашего ответа, и предписать мне количество, каковое вам оной потребно, дабы я мог **иметь удовольствие** услужить вам, так как вы желаете* (Письмо 64-е); *Государь мой! Имею честь **принести** вам **чувствительнейшую благодарность** за расположение, за любовь и милость, коими изволили вы меня обязать во время пребывания моего в вашем горо-*

де (Письмо 61-е. Благодарность за оказанные во время пребывания в городе ласки); *Государь мой! Приносит* вам бесчисленные **благодарности** за расположения, коими от вас был я одолжен в бытность мою в вашем городе, есть моя должность, и притом самая естественна (Письмо 65-е. Благодарность за благодеяния и просьба о уведомлении, каким образом отправляется шелковый торг) и т. п.

В обходительных (1) и коммерческих (2) письмах фиксируется сочетание *имею честь* + инфинитив, которое употребляется в конце послания как формула речевого этикета. Ср.: 1) *За отменное продолжение вашего ко мне усердия, возобновленного при наступлении нынешнего нового года, благодарю вас признательнейше и, желая вам взаимно всех благ, соединённых с исполнением ваших желаний, **имею честь** удостоверить, что с прежним почтением и усердием навсегда пребуду вашим верным и покорным* (Письмо 82-е); *Впрочем, **имею честь** пребыть с истинным почтением, Милостивый Государь мой!* (Письмо 163-е); 2) *Ожидая приказаний ваших, дабы начать корреспонденцию, **имеем честь** быть, милостивые Государи!* (Письмо 20-е); *Я надеюсь, что вы мною будете довольны, и не усумнишь впредь поручать мне новые комиссии. В ожидании чего **имею честь** быть, Государь мой* (Письмо 38-е); *Представляя вам низжайшие мои услуги, **имею честь** называться, Государь мой!* (Письмо 66-е) и т. п. В нравоучительных письмах оборот *иметь честь* не представлен. Это связано с характером субъекта и адресата, к которому обращено сообщение. Назидание обычно исходит от лица, имеющего более высокий социальный статус, старшего по возрасту.

Поэтому приведённая форма вежливости неприемлема.

Элементы назидания содержатся в некоторых обходительных письмах, например, в письмах, содержащих совет. Ср.: *Рассуждали ли вы, что должен сносить человек, отрекшийся свободы на всю жизнь? Он **делает** страшное **жертвоприношение**; а вся награда, каковую может из того получить, есть непрерывное сношение своевольтва жены своей. **Есть**ли она благообразна, то обыкновенно узришь, что горда, а для мужа сие не весьма приятно. **Есть**ли знатного рождения, то всеминутно говорить будет о предках своих и **наведет** нестерпимую **скуку** повествованием великих чинов их и знаменитых дел* (Письмо 84-е. Совет, чтоб не вступать в брак) и др.

В «Письмовнике...» отражаются тенденции развития ОГИО, характерные для конца XVIII века [4, с. 31-34, 50-51, 72-84]. Так, компенсаторы *впадать / впасть, приходит / прийти, приводить / привести, учинять / учинить* сохраняют широкую сочетаемость с именами, обозначающими неприятное состояние, недостойное поведение: *впадать в боязнь, в напасти, в погрешение, в проступок; прийти в сожаление, в замешательство; приводить в раскаяние, привести в уныние, в совершенство; учинить глупость, выговор, дерзновение* и др. Ср.: *Я не могу вообразить, чтобы вы мне писали вправду, и чтобы человек, которого всегда почитал я столь разумным, готов был **учинить глупость**, о которой не может он рассказаться* (Письмо 84-е. Совет, чтобы не вступать в брак) и т. п.

Материалы «Письмовника...» подтверждают развитие компенсаторного

значения у глаголов *изъявить* 'выразить, высказать' [8, с. 68], *ввергнуть* 'привести, вовлечь в какое-либо бедственное или предосудительное состояние, положение' [7, с. 226], известных древнерусской письменности, в сочетании с девербативами состояния [4, с. 73, 79-80]. Ср.: *изъявить благодарение, благодарность, благодарение, почтение, признательность, радость, расположение, упование, чувствования; ввергнуть в отчаяние, в страх* и др. Расширение сочетаемости компенсатора *найти* с девербативами состояния обусловлено появлением у глагола нового значения 'чувствовать, ощущать' [6, с. 1253-1254]: *находить затруднение, скуку, увеселение, удовольствие, утешение* и др.

В сокращении сочетаний глагола *иметь* с именами чувств проявляется тенденция к упрощению синтаксиса [9, с. 71].

«Письмовник...» свидетельствует о распространении в XVIII веке ОГИО с глаголом *чувствовать*, впервые зафиксированным в Лексиконе Ф. Поликарпова 1704 г. [10, с. 394]: *чувствовать благодарность, отвращение, презрение, угрызения совести, удовольствие* и др. Ср.: ... *я чувствую удовольствие, исполняя по возможности долг моего дружества* (Письмо 3-е. Уверительное в дружбе); *Вы меня успокоили: я безмерную за то буду чувствовать к вам благодарность* (Письмо 112-е. Ответ); *Не каждый честолюбив или жаден к корысти, но всяк чувствует презрение* (Письмо 38-е. ...о познании вообще людей) и т. п.

Употребление ОГИО в «Письмовнике...» 1796 года показывает преобладание рационального над эмоциональным в семантике аналитических конструкций. Важным оказывается следование определённым канонам, личность пишущего не проявляется в созданном им тексте.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Всеобщий секретарь, или новый и полный Письмовник... М.: Университетская типография у Рилдигера и Клаудия, 1796. 606 с.
2. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 528 с.
3. Картотека Словаря русского языка XVIII века (Институт лингвистических исследований РАН, г. С.-Петербург).
4. Лагузова Е.Н. Описательный глагольно-именной оборот как единица номинации. М.: 3, 2003. 243 с.
5. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: Высшая школа, 1976. 141 с.
6. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: В 6 т. Т. 3. СПб, 1814.
7. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 2. Л., 1985.
8. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. СПб., 1997.
9. Филиппова В.М. Развитие глагольной фразеологии в русском литературном языке XVIII века (*устойчивые глагольно-именные сочетания*) // Русская литературная речь в XVIII веке. М.: Наука, 1968. С. 3-160.
10. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1993. 560 с.

УДК 81'373.45

Насырова А.С.*Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал)***ФУНКЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ АББРЕВИАТУР
В СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТНОЙ РЕЧИ**

Аннотация. В статье определяются значение и функции иноязычных аббревиатур, функционирующих в текстах современных газет «Комсомольская правда» (КП), «Российская газета»; анализируется их деривационная продуктивность в русской речи. Рассматривается несколько структурных типов аббревиатур (буквенный, звуковой, буквенно-звуковой, буквенно-цифровой, рекурсивный). Автор в соответствии с закономерностями произношения и особенностями слоговой структуры выделяет консонантные и консонантно-вокальные аббревиатуры.

Ключевые слова: аббревиатура, иноязычное слово, функция, газетная речь, производная лексема, лингвистический анализ.

A. Nasyrova*Sterlitamak Branch of Bashkir State University***FUNCTIONS OF FOREIGN ABBREVIATIONS
IN MODERN NEWSPAPER SPEECH**

Abstract. The article determines the value and functions of foreign abbreviations functioning in the texts of modern newspapers “Komsomolskaya Pravda”, “Rossiyskaya Gazeta”; analyzes their derivational productivity in the Russian language. We consider several structural types of abbreviations (letter, sound, letter-sound, letter-numeric, recursive). The author in accordance with the laws of pronunciation and features of syllabic structure allocates consonant and consonant-vocal abbreviations.

Keywords: abbreviation, foreign word, feature, newspaper speech, a derived lexeme, linguistic analysis.

Появление сложносокращённых слов различного типа стало результатом возникновения новых предметов действительности. Большой интерес среди данного многообразия представляют иноязычные аббревиатуры. В лексико-семантической системе русского языка аббревиатуры выполняют различные стилистические и языковые функции: компрессивную, номинативную, экспрессивную, терминологическую и др.

Предметом нашей статьи являются аббревиатуры, а также отаббревиатурные образования, выступающие в качестве номинативных единиц, и их функции в современной газетной речи. В отечественной науке функционально-стилистическая роль иноязычных аббревиатур недостаточно изучена, это связано с большим притоком новых заимствованных сокращений в русский язык.

Необходимо уточнить основной термин, используемый нами в работе. Исследователи рассматривают явление аббревиации по-разному. В данной статье под *аббревиатурой* мы понимаем «процесс создания единиц вторичной номинации со статусом слова, который состоит в усечении любых линейных частей источника мотивации и который приводит в результате к появлению такого слова, которое в своей форме отражает какую-либо часть или части компонентов исходной единицы» [3, с. 71].

Как показывает собранный нами материал, количество аббревиатур в языке постоянно растёт, что говорит о продуктивности данного способа словообразования. В структурно-фонетическом отношении наибольший интерес вызывают аббревиатуры, которые произносятся побуквенно. Например: *Как мы уже сообщали, беглый экс-агент американских спецслужб на прошлой неделе дал интервью телеканалу NBC News* [02.06.2014.КП]. NBC – национальная широкоэвещательная компания (от англ. National Broadcasting Company). Особенностью данной лексемы является её буквенное произношение, составленное из алфавитных названий букв *N, B, C: эн-би-си*. Частотны в речи звуковой и буквенно-звуковой типы аббревиатур, например: *VIP* (вип); *DDoS* (диДос). В отличие от буквенного подтипа аббревиатура в звуковом подтипе произносится как единое слово, а не побуквенно: *Проход к VIP пляжам на полуострове собираются открыть для всех желающих* [16.04.2014. КП]. Аббревиатура *VIP* образована из начальных букв слов словосочетания «*Very Important Person*» (очень важная пер-

сона). Произносится как цельное слово – *vip*. Исследователь Д.И. Алексеев отмечает, что «инициальные аббревиатуры ... с первых же лет строились не беспорядочно, а лишь по немногим продуктивным образцам и формулам» [1, с. 245]. Так, инициальная аббревиатура звукового подтипа *VIP* образована по «формуле *tot*, где *t* обозначает любой согласный, а *o* – любой гласный» [1, с. 245]. «Буквенный подтип аббревиатур подчиняется, собственно говоря, только одной графической формуле: *tt, ttt, tttt*» (примеры *CNHC, NBC*) [1, с. 246]. Обратимся к буквенно-звуковому подтипу: *Иногда злоумышленники заражают компьютер для того, чтобы получить над ним управление и сделать частью ботнета для последующей рассылки спама, проведения DDoS атаки* [08.07.2014. КП]. Аббревиатура *DDoS* состоит из названия начальной буквы *D* – «ди», которая является сокращением от английского слова *Distributed* (распределительный). Звуковая часть – контаминация словосочетания *Denial of Service* (отказ от обслуживания). Таким образом, перед нами буквенно-звуковое прочтение аббревиатуры – *ди-дос*.

В газетных текстах распространенным является рекурсивный подтип, при котором смысловое развертывание аббревиатуры включает и саму аббревиатуру: *Даже несмотря на то, что конфликт с VISA и MasterCard исчерпан, финансовые власти нашей страны не отступают от идеи создания собственной платёжной системы* [26.05.2014. КП]. Название платёжной системы *VISA* демонстрирует рекурсию расшифровки *VISA International Service Association* (международная платёжная система). В нашей карто-

теке примеров аббревиатур имеются такие, которые представляют собой сочетание начальной части слова и целого слова: *Это государственный Ощадбанк, Укрсоцбанк (украинская «дочка» итальянской банковской группы UniCredit), УкрСиббанк («дочка» французского BNPPariboes)* [26.05.2014. КП]. Для создания иноязычного сокращения *UniCredit* использован первый слог от основы слова *University*, то есть «усечённая основа, кусок основы, в изолированном виде... и представляющая некий внесловный «аббревиационный» слог» [1, с. 202]. К оставшемуся компоненту добавлено полное слово *Credit*.

Проведённый нами лингвистический анализ некоторых аббревиатур позволил выделить *буквенно-цифровой тип* иноязычных аббревиатур, который ранее не рассматривался исследователями. Особенность их заключается в том, что аббревиатуры подобного рода состоят из *букв алфавита и цифр*. Например, в тексте газеты: «*Мы осуждаем фиктивные президентские выборы 3 июня: для Асада нет будущего в Сирии*», – *говорится в коммюнике саммита G7*. [05.06.2014. КП]. Буквенно-цифровая аббревиатура *G7* содержит букву английского алфавита *G* и цифру *7*. Данное сокращение является контаминацией английских слов: *Group of Seven* (группа семи). Заметим, что в русском языке актуален другой вариант: *Большая семёрка*, от *Great Seven*, который является ошибочным. Аналогично в соответствии с образованием *G7* возникли *G8* и *G20*: *Основной формат G8 себя изжил, т. к. сейчас все решения принимаются с участием развивающихся стран: формат G20 является более актуальным*

[23.03.2014. КП]. Аббревиатуры *G8* и *G20* образованы по модели аббревиатуры *G7*. Увеличение количества членов группы ведёт к изменению формата *G№*. Следовательно, количество стран-участников определяет цифру в сочетании с буквой английского алфавита *G*. В развёрнутом виде данные аббревиатуры не включают цифровой компонент в математическом смысле: *Group of Seven, Group of Eight, Group of Twenty*. Однако слова заменяются цифрами при сокращении, это объясняется графическим удобством. Заметим, «аббревиатура по своему замыслу не предназначена для передачи всей информации, содержащейся в развёрнутом и, следовательно, в какой-то мере описательном наименовании. Аббревиатура предусматривает обязательное обобщение указанной информации и её сжатие, её конденсацию» [1, с. 213]. Так, в лексеме *G20* при аббревиации опущено несколько звеньев: *Group of Twenty Finance Ministers and Central Bank Governors* (министров финансов и глав центральных банков).

Проведённый нами анализ позволил установить, что в соответствии с закономерностями произношения и особенностями слоговой структуры иноязычные аббревиатуры можно распределить по двум типам: 1. *Консонантные*, то есть аббревиатуры, не имеющие в своём составе гласных [1, с. 247]. Отличительной особенностью консонантных аббревиатур является произношение по названиям букв. С закономерностями произношения связаны особенности слоговой структуры. Так, одни из иноязычных аббревиатур состоят только из открытых слогов: *CPC (си-пи-си)* [22.08.2014. КП]. Другие – из закрытых: *NFS (эн-*

эф-эс) [07.07.2014. КП]. Третья группа включает аббревиатуры, состоящие из смешанных слогов (открытых и закрытых): *GPS* (джи-пи-эс) [20.05.2014. КП], *CNN* (си-эн-эн) [10.08.2014. КП], *GFN* (джи-эф-эн) [21.08.2014. КП]. Распространение получила аббревиатура *GPS*: *Можно всем успокоиться – система GPS как работала, так и будет работать* [14.05.2014. КП]. Следует заметить, лексема *GPS* послужила производящей основой для создания новых слов: *После окончания обучения всем участникам проекта в безвозмездное пользование выдаётся смартфон с GPS-приёмником. Слабовидящим и незрячим упростит жизнь GPS-навигатор. Именно с помощью этой аппаратуры инвалиды по зрению осваивают приёмы GPS-навигации в реабилитационном центре «Пышма»* [20.05.2014. КП]. 2. *Консонантно-вокальные*, то есть аббревиатуры, включающие в свой состав гласные и согласные: *IT* [08.07.2014. КП], *IPS* [09.07.2014. КП], *DDoS* [08.07.2014. КП], *USB* [03.07.2014. КП], *PDVSA* [17.07.2014. КП], *ACS* [21.08.2014. КП], *UTC* [01.07.2014. КП], *БРИКС* [17.07.2014. КП]. Данная группа весьма многочисленна и продолжает пополняться.

Аббревиатуры включаются в текст разными способами. Общеизвестные даются без пояснений: *Ну и, наконец, отключили в Раде Wi-Fi* [16.04.2014. КП]. На данном примере мы видим, что обладание определённым аббревиатурным минимумом и знание современного мира облегчают понимание текста. Толкование аббревиатур, появившихся в языке относительно недавно, даётся обычно в скобках. Например: *Если в прошлом году – счита-*

ет неправительственная организация GFN (Global Footprint Network) – эта дата наступила, по расчётам специалистов, 20 августа, то в этом – днём раньше [21.08.2014. КП]. В данном случае необходимость расшифровки иноязычного сокращения объясняется непопулярностью вышеназванной организации.

Следует отметить, что заимствованные аббревиатуры способны выполнять одновременно ряд функций, доминирующими при этом являются *номинативная* и *компрессивная* функции. Продемонстрируем реализацию названных функций: *В среду, 21 мая, глава «Газпрома» Алексей Миллер и глава китайской компании CNPC подписали договор, который очень долго ждали и окрестили контрактом века* [23.03.2014. КП]. В процессе восприятия контекста адресат понимает, что речь идёт о китайской компании: *CNPC* – «Китайская национальная нефтегазовая компания». Заметим, что аббревиатура *CNPC* произносится в соответствии с закономерностями произношения буквенного подтипа: *си-эн-пи-си*. Данной информации достаточно для восприятия текста адресатом, но не для каждого носителя языка понятно, с каким конкретным предприятием заключён договор, лишь более осведомлённому читателю известно, о какой китайской компании идёт речь. Итак, иноязычная аббревиатура *CNPC* служит названием компании (выполняет *номинативную* функцию) и устраняет избыточную информацию (выполняет *функцию компрессивную*).

По нашему мнению, *экспрессивная* функция аббревиатур реализуется в основном за счёт их словообразова-

тельной активности. Мы наблюдали тексты, в которых адресант демонстрировал языковую игру с адресатом, дополняя аббревиатуры новыми смысловыми оттенками, включая в их структуру новую лексему. Рассмотрим денотат аббревиатуры *VIP* (от Very Important Person – *очень важная персона*): *Как Золушке стать VIP-женой?* [06.10.2005. КП]. Данная фраза является заголовком статьи, в котором заключается скрытый смысл: рецепт перехода от одного социального положения к другому. Автор, дополняя аббревиатуру *VIP* лексемой *жена* и употребляя в одной фразе лексему *Золушка*, проявляет субъективное оценочное отношение к реалии. Речь идёт о том, что достаточно следовать нескольким советам психолога, чтобы выгодно выйти замуж за богатого или известного человека, став высокопоставленной спутницей своего *VIP-мужа*. Мы, проведя лингвистический анализ лексем с учётом контекста и ситуации употребления этого высказывания, пришли к следующему выводу: преимущество *VIP-жены* заключается в следующих чертах характера: порядочность, трудолюбие, верность, богатый духовный мир. Производная лексема *VIP-жена* (от аббревиатуры *VIP*) пополняет словообразовательное гнездо иноязычного слова. Собранный нами текстовый материал содержит следующие производные: *VIP-супруга*, *VIP-мужчина*, *VIP-тур*, *VIP-пляж*, *VIP-персона*, *VIP-парковка*, *VIP-похороны*, *VIP-педофил*, *VIP-чиновник* и др. При употреблении

каждого из названных производных слов адресант передаёт определённую эмоцию адресату.

Таким образом, иноязычные аббревиатуры являются одним из источников пополнения словарного состава русского языка, что связано с изменениями в современном мире, с расширением геополитических, общественно-политических, экономических, культурных связей. Продуктивность процесса аббревиации объясняется и другой причиной – «стремление к необычности, лексическим инновациям» [2]. Однако, по нашему мнению, в настоящее время наблюдается перенасыщение русского языка заимствованными аббревиатурами, неудобными для произношения и трудными для запоминания. Основная функция аббревиатур в процессе коммуникации заключается в экономном выражении мысли и устранении избыточной информации. В целом, компрессия способствует оптимизации речевого сообщения. Одной из активных функций современных аббревиатур в газетном языке является экспрессивная функция.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев Д.И. Сокращённые слова в русском языке. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. 328с.
2. Бирюкова Е.А. Функционирование аббревиатур в современной речи [Электронный ресурс]. URL:<http://www.twirpx.com/file/1068443/> (дата обращения: 15.08.2014)
3. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. М.: Наука, 1981. 200с.

УДК 811.161.1'373.611

Шварцова Т.В.*Московский государственный университет печати им. Ивана Федорова***СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК ИСТОЧНИК ПОВЫШЕНИЯ КРЕАТИВНОСТИ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

Аннотация Статья посвящена анализу индивидуально-авторских словообразовательных инноваций и выполняемых ими функций, к которым относятся экспликация эмоциональной и рациональной оценки, повышение экспрессивности и степени воздействия на читателя. Окказионализмы систематизируются на основе общности их деривационного значения, в связи с чем рассматриваются понятия словообразовательной категории, синтаксической деривации, аффиксальной полисемии и омонимии. Выявляются наиболее востребованные словообразовательные значения, свидетельствующие об актуальности выражения оценки, наименований лиц и отвлечённых понятий.

Ключевые слова: лингвокреативность, окказионализм, инновация, словообразовательная категория, деривационное значение, оценочность.

T. Shkvartsova*Moscow State University of Printing Arts***WORD FORMATION AS A SOURCE OF INCREASING CREATIVITY
IN THE JOURNALISTIC TEXT**

Abstract. The article is devoted to the analysis of individual author's word-formation innovations and their functions, which include the explication of emotional and rational assessment, increase of expressiveness and extent of impact on a reader. Nonce-words are systematized on the basis of a community of their derivational meaning, in connection with this considered are concepts of word-formation category, a syntactic derivation, affixal polysemy and a homonymy. The most popular word-formation meanings that testify to relevance of expression of an assessment, names of persons and abstract concepts come to light.

Keywords: lingvcreativity, nonce-word, innovation, word-formation category, derivational meaning, assessment.

Лингвокреативность публицистического текста – это отражение поиска журналистами новых средств выразительности и стремления к усилению воздействия на читателя, проявление авторской индивидуальности, эмоций и оценки объекта речи. Характеризуя активные процессы в современном русском языке, Н.С. Валгина отмечает потребность авторов в ярком, эффектном и эффективном слове, их настроенность на изобретательство, на поиск неожиданного, что при индивидуально-творческом подходе к словообразованию проявляется в создании окказиональных слов, творящихся ради определённого контекста при особом коммуникативном задании. Такое словотворчество помогает разрушить

стереотипы, выразить эмоциональную оценку происходящего [1, с. 151-153].

Креативное словообразование – всегда осознанное отклонение от нормы. Оно мотивируется желанием выделиться нечто важное, основную идею, и тем самым сделать её запоминающейся. Реализуя чаще всего коммуникативные намерения иронии и негативного отношения к объекту речи, авторы создают окказионализмы различной частеречной принадлежности, нередко заключая их в кавычки, сигнализирующие о новизне, нестандартности слова и важности выражаемого им смысла: *Какая забота «новодрамцу» до того, что репертуары театров наполнены вивисекцией классики или переводным смешиловом* (ЛГ, № 47, 2013); *Вдобавок к тому, что школа холодна и бессердечна, она стала ещё бессмысленна и безмысленна* (ЛГ, № 40, 2014); *В Нижнем Новгороде из 20 мест водного отдыха «купательно» разрешили всего 4. Неужели дешевле лечить нас целый год после «здоровьеподрывных» заплывов, чем отремонтировать канализацию?* (АиФ, № 36, 2013); *Разучившись создавать качественный продукт, телевизионщики хватаются за любую идею, способную мало-мальски «рейтингнуть»* (ЛГ, № 39, 2014); *Эта Галина определена «главредствовать» в некоем литературном журнале-клоне, издаваемом на Дону* (ЛГ, № 40, 2014).

Креативное словообразование может успешно использоваться и в заголовках – необычные на фоне узуальных слов, окказионализмы не только привлекают и развлекают читателя, но и, что важнее, отражают тему и основную идею статьи: *Геленджикнуться или разананпиться?* – заголовок статьи

об отдыхе в Геленджике и Анапе (АиФ, № 24, 2011); *Бормотаж дирижабля* – заголовок рецензии на книгу «Дирижабли», стихи из которой рецензент сравнивает с невнятным бормотанием (ЛГ, № 42, 2014); *Умопомрачение под ленинопадом* – заголовок статьи о сбрасывании памятников Ленину в Украине (ЛГ, № 40, 2014). Следует помнить, однако, что употребление таких новообразований в заголовках может привести и к коммуникативной неудаче, поскольку вне контекста они могут оказаться непонятыми или неверно интерпретированными, что в результате не привлечёт, а оттолкнёт читателя от текста.

Систематизация словообразовательных инноваций возможна на различных основаниях – по способу, модели или типу словообразования, их частеречной принадлежности [например: 3, с. 126-167; 4]. На наш взгляд, наиболее интересен анализ окказионализмов на основе общности их деривационного значения. Рассмотрение производных с этой точки зрения поможет выяснить, какие словообразовательные значения актуальны и наиболее востребованы в словотворческой деятельности журналистов.

Объединение слов на основе общности их деривационного значения возможно в рамках комплексных семантических единиц словообразования – словообразовательных категорий. Данная категория понимается нами как множество производных слов различных словообразовательных структур, объединённых общностью деривационного значения, независимо от способа их образования и части речи производящих. Одна категория может также объединять производные

разных частей речи, если они обладают общей словообразовательной семантикой.

Носителем деривационного значения является словообразовательный формант (аффикс), обладающий как формой, так и собственной, не зависимой от внутрисловного контекста семантикой. Сообщая своё значение производному слову, деривационный аффикс позволяет отнести его, во-первых, к именам с денотативным или сигнификативным типом значения; во-вторых, к одному из двух разрядов денотативной лексики – именам лиц или неодушевлённых предметов; в-третьих, к именам, обладающим или не обладающим субъективно-оценочными значениями.

Признание семантической самостоятельности словообразовательного аффикса требует разграничения аффиксальной полисемии и омонимии. Для этого применяется семантический критерий: о полисемичности аффикса свидетельствуют актуализации его значений в пределах единого семантического инварианта, а не связанные между собой значения аффикса ведут к распаду единой деривационной морфемы на ряд омонимичных.

Таким образом, на основании общего деривационного значения можно выделить словообразовательные категории со значениями лица; неодушевлённого предмета; отвлечённости; субъективной оценки; отношения к предмету или явлению; однократности действия и пр.

Наиболее востребованной в словотворческой деятельности журналистов оказывается категория **отвлечённости**. Основная часть инноваций с этим значением образуется при уча-

стии продуктивных суффиксов *-ни(j)-*, *-аци(j)-*, *-ость*, *-и(j)-*: *жюрение*, *обезнаучивание*, *полевение*, *распогонивание*, *майданизация*, *руинизация*, *домысловость*, *мажористость*, *бесхребетье*. Производные данной категории являются результатом синтаксической деривации, при которой значение деривата сводимо к содержанию производящего слова и отвлечённому значению форманта. В отличие от лексических дериватов, обладающих неаддитивным, идиоматичным значением и обычно воспроизводимых в речи как готовые лексические единицы, синтаксические дериваты могут порождаться в самом акте коммуникации, особенно если их образуют при помощи продуктивных словообразовательных аффиксов. Поэтому производные данной категории легко творятся авторами при особом коммуникативном задании.

Абстрактные имена существительные с суффиксами *-ни(j)-* и *-аци(j)-* традиционно образовывались от узуальных глаголов. Современные авторы, стремясь к яркому и оригинальному способу выражения, чаще изобретают мотивирующее (**распогонить*, **полеветь*) и в соответствии с выбранной синтаксической конструкцией переводят глагол в субстантив. Происходит обогащение глагольной семантики категориальным значением существительного, и при этом взаимодействие лексического значения мотиватора с определённым формантом может привести к появлению у производного новых коннотаций – например, у девербативов *бормотаж*, *охмурёж*, *смишилово* очевидно приращение отрицательной оценочности.

Образование инноваций с суффиксом *-аци(j)-* производится сейчас не от

глаголов, как ранее, а прямо от существительных: *балаганизация, барбилизация, болванизация, докторизация, майданизация, олигархизация, руинизация*. Активность использования производных и порождения инноваций данного типа свидетельствует о высокой востребованности значения «проникновение и распространение какого-либо явления», причём явления нежелательного, вызывающего отрицательные эмоции. Мотиваторы этих новообразований относятся чаще всего к пейоративам, а значит, независимы от контекста, который лишь усиливает отрицательно-оценочное значение производного слова: *Запад сумел воспользоваться нашей гипербюрократизацией высшей школы и олигархизацией её управленческого корпуса* (ЛГ, № 48, 2014). В других случаях отрицательная оценочность менее выражена и актуализируется только в контексте: *С таких вот тетрадок и начинается тотальная «барбилизация» нашего общества* (КП, 23.08.2009); *Официозный репортаж о введённом в строй промышленном гиганте перебивают картинкой заводских руин, оставшейся от руинизации заводов в годы перестройки* (ЛГ, № 17, 2014).

Мотивирующие окказионализмов с суффиксом *-ость* со значением отвлечённого признака – относительные безоценочные прилагательные, однако при взаимодействии лексических, словообразовательных и синтаксических средств, в контексте, производные эксплицируют отрицательную оценочность и эмоциональный накал автора: *Тайфунность разрушений на теле и в сердце национальной духовности и нравственности поражает* (ЛР, № 42, 2014); *«Желчегонность» автора, за-*

бывающего о призвании художника, морали и просто о нормах приличия, отвратительна (ЛГ, № 40, 2014); *К чему эти надрывы и начётничество: вот здесь «европейскость», а здесь – «азиатскость»?* (ЛГ, № 38, 2014).

Словообразовательная категория **лица** в силу внеязыковых и внутриязыковых причин активно пополнялась в конце прошлого и начале нынешнего века: «Герой современного словообразования – человек. Значительную часть новообразований составляют имена лиц нарицательные» [2, с. 103]. Сохраняя свою актуальность, данная категория, судя по отмеченным инновациям, оказывается менее востребованной в печатных СМИ. Точные и выразительные, ситуативные имена лиц характеризуют лицо по производимому им или над ним действию и образуются по узуальным моделям с помощью суффиксов *-ец, -ант, -ент, -тель*: *Начальники тюрем превращают сидельцев в своих рабов* (ЛГ, № 47, 2013); *Среди лишенцев* [учёных степеней. – Т. III.] *не было ни одного депутата или видного чиновника* (АиФ, № 36, 2013); *Мы поделились на две партии: «уезжанты» и «здесьсиденты»* (Афиша, № 10, 2012); *И теперь мы их называем расшатывателями устоев?* (КП, 12.10.2013).

Иногда новизну сложного слова обеспечивает присоединение нового компонента к узуальному, в результате происходит словообразование по аналогии: *грантопожиратель, чемоданоронятель, частушкописец*.

К категории лица относятся и производные со значением собирательности, мотивированные и собственными, и нарицательными существительными: *Буш троицу любит. И*

будет в США **требующие**: Буш-отец, Буш-сын и Буш-клон (АиФ, № 35, 2013).

Высокая степень востребованности способов выражения оценки в медийном тексте закономерна – формируемая разноуровневыми языковыми средствами, оценочность является одним из основных стилеобразующих факторов публицистики. Множество инноваций словообразовательной категории **субъективной оценки** образовано с помощью суффикса *-щин*, выражающего резко отрицательную оценку. Сейчас такие имена чаще образуются не от прилагательных, как ранее, а от существительных с отрицательно-оценочной семантикой или приобретающих её в данном контексте: *Во власти ещё со времён печально знаменитой «семибанкирищины» по-прежнему сильно банковское лобби* (АиФ, № 36, 2013); *Михалков воспевает, дескать, белогвардейщину и так карикатурно показывает наше родное* (ЛГ, № 30, 2013); *Во время занятий студентам было просто стыдно за ту русофобищину, которую им не стесняясь внушали* (ЛГ, № 47, 2014). В то же время этот суффикс способен взаимодействовать и с мотиваторами с явно положительным оценочным значением – это качество суффиксов словообразовательной модификации присоединяться к основам с противоположным оценочным знаком отмечает Т.В. Маркелова [5, с. 113]. Примеры: *Директор музея истории русской литературы признался в своей нелюбви к «юбилейщине»* (ЛГ, № 42, 2014); *Откровенное обличение пороков и прочая актуальщина не заслоняют собой тотальный разлад мироустройства* (Афиша, № 2, 2013).

Инновации с оценочным суффиксом *-ух-* в контексте выражают иро-

нию, пренебрежение, неодобрение и всегда стилистически снижены: *Из-за требований мусульман конкурс лишился своей главной заманухи* (КП, 03.10.2013); *Шла восторгуха исключительно по поводу литературы либеральной* (ЛГ, № 39, 2014).

Стремление авторов к повышению выразительности влечёт за собой создание множества образований с *мега-* и *супер-*: *мегапопулярный, мегазвёздный, мегамогущественный, мегаэффективный, супергол, суперпрофи, супертренер, суперяхта*. Диапазон мотивирующих данного типа настолько широк, что сложно провести границу между узуальными и окказиональными словами. Появление таких образований в текстах СМИ становится таким же регулярным, как и употребление превосходной степени прилагательных с позитивной и негативной эмоционально-оценочной семантикой: *любимейший, старомоднейший, уродливейший*.

Авторские инновации-глаголы имеют отсубстантивное происхождение, что свидетельствует о востребованности глагольной семантики, соединённой с семантикой существительного. Так, по аналогии с уже зафиксированными в Толковом словаре русского языка начала XXI века [6] *пиарить(ся)*, *мониторить* и уже широкоупотребительным *кошмарить* образованы *жюриить, троллить, самообороняться*: *Г. Хазанов уже «жюриил» в аналогичном проекте на Первом* (КП, 23.08.2014); *Вы троллите Госдуму, а значит, тоже пиаритесь* (КП, 20.12.2014); *Позволить обывателям самооборону? Так они завтра придут и от нас «самооборонятся»* (ЛГ, № 43, 2014). Иногда образование глагола от имени собственного сопровождается

графическим выделением: *Кто решил проСОЧИться?* – посетить Олимпиаду в Сочи (АиФ, № 4, 2014).

Образуются глагольные инновации с помощью различных суффиксов – так, *-и-*, *-ова-*, *-изирова-* сообщают производным значение действия, относящегося к тому, что названо производящим словом; префикс *раз-* в сочетании с постфиксом *-ся* выражает деривационное значение интенсифицированного действия (*разанапиться*, *размайдапиться*), суффикс *-ну-* передаёт однократность действия (*рейтингнуть*, *геленджикнуться*).

Современный публицистический текст, рассчитанный на массового адресата, призван, прежде всего, воздействовать на читателя путём информирования и убеждения. Лингвокреативность, в том числе лексико-словообразовательная, повышает выразительность и воздействующую силу текста, украшает его, привлекает новизной и необычностью средств выражения. Инновации, созданные по узуальным моделям и наполненные новым лексическим содержанием, выполняют экспрессивно-оценочную функцию, подчёркивают индивидуальность автора, позволяют ему острее и ярче проявить эмоциональное и ценностное отношение к объекту речи. Наиболее востребованными при создании окказиональных слов можно считать деривационное

значение субъективной оценки, а также значения отвлечённости и лица, что свидетельствует об актуальности наименований действий, процессов, состояний, признаков, качеств, лиц.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2001. 304 с.
2. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М.: Наука, 1996. С. 90-142.
3. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта, 2009. 296 с.
4. Леденёва В.В. О лексике современных коммуникативных сфер: семантический портрет слова телевидения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 6. С. 12-16.
5. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография. М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2013. 300 с.
6. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складчиковой. М.: Эксмо, 2008. 1136 с.

ИСТОЧНИКИ:

1. Аргументы и факты (газета) – АиФ
2. Афиша (журнал)
3. Комсомольская правда (газета) – КП
4. Литературная газета – ЛГ
5. Литературная Россия (газета) – ЛР

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1Память7Гумилёв

Климчукова В.Н.

Московский государственный областной университет

СТИХОТВОРЕНИЕ «ПАМЯТЬ» КАК ПЕРВООСНОВА ПОЭТИЧЕСКОЙ КНИГИ Н. ГУМИЛЁВА «ОГНЕННЫЙ СТОЛП»

Аннотация: Стихотворение «Память», согласно авторскому замыслу, открывает последний прижизненный сборник Н. Гумилёва «Огненный столп». Это, во-первых, сжатая по форме, но объёмная по содержанию автобиография поэта. Во-вторых, в этом произведении заложен глубокий философский смысл земного бытия, человеческой памяти, удивительным образом сопряжённой с предчувствиями грядущего. Стихотворение задаёт тон всей поэтической книге, настраивает читателя на восприятие последующих поэтических текстов.

Ключевые слова: память, душа, тело, композиция, пророчество, духовность.

V. Klimchukova

Moscow State Regional University

THE POEM “MEMORY” AS A BASIS OF THE POETIC N. GUMILYOV’S BOOK “PILLAR OF FIRE”

Abstract. The poem “Memory”, according to the author’s intention, opens the last lifetime collection of Gumilyov’s “Pillar of Fire”. Firstly, compressed in form, but extensive in volume, it reveals the poet’s autobiography. Secondly, this work has a deep philosophical meaning of earthly existence of human memory, wonderfully conjugated with premonitions of the future. The poem sets the tone for the whole book of poetry, adjusts to the subsequent perception of poetic texts.

Keywords: memory, soul, composition, prophecy, spirituality.

Последняя подготовленная самим Н.С. Гумилёвым книга лирики «Огненный столп» была единодушно признана самым совершенным его творением и вознесла поэта на высший уровень славы. Общим было мнение: стихи сборника «свидетельствуют о неуклонном совершенствовании его мастерства и столь же неуклонном внутреннем росте и показывают, какие возможности таились в

поэте, жизнь которого оборвалась так трагично и рано» [1]. «Огненный столп» исполнен философских раздумий о сущности и назначении искусства, феномене внутреннего мира человека, основанных на главном поиске – духовного пути к Богу.

Несмотря на утрату первоначального порядка стихов сборника, вступительным, согласно авторскому замыслу, стало стихотворение «Память». Оно предстаёт перед читателем, во-первых, как сжатая по форме, но объёмная по содержанию и смысловой наполненности автобиография поэта. Во-вторых, в этом произведении заложен глубокий философский смысл земного бытия, человеческой памяти, удивительным образом сопряжённой с предчувствиями грядущего.

Вяч. Вс. Иванов отметил в своей статье «Звёздная вспышка»: «Подобно современным нейропсихологам, установившим реальность одномоментных срезов жизни, которые существуют в памяти человека, Гумилёв обозревает такие срезы своей жизни, называя их “душами”, меняющимися при том, что единственным остаётся только тело (“Мы меняем души, не тела”）」 [2].

Большинство исследователей творчества Гумилёва соотносят данные строки с восточными религиями и оккультной мистикой, которым присуща идея «реинкарнации», но содержание первых строф покажется ясным, если обратиться к Святым Отцам православной церкви. Св. Амвросий Оптинский на вопрос, как понимать слова Писания «Будьте мудры, как змии» [Мф. 10: 16], ответил: «Змея, когда нужно ей переместить старую кожу на новую, проходит чрез очень тесное, узкое место, и таким образом ей удобно

бывает оставить свою прежнюю кожу. Так и человек, желая совлечь свою ветхость, должен идти узким путём исполнения евангельских заповедей. При всяком нападении змея старается оберегать свою голову. *Человек рождён более всего беречь свою веру.* Пока вера сохранена, можно ещё всё исправить» [3]. В книге архиепископа Фёдора (Поздневского) читаем: «Человеку <...> по меткому выражению Св. Отцов, нужно бывает сделать почти то же самое, что нужно бывает сделать змее, когда она желает стащить с себя свою старую шкуру. Обычно в этих случаях змея заползает в колючие сучья, которые, цепляясь за её шкуру, стаскивают её со змеи. Нечто подобное нужно сделать и человеку, если он желает стащить греховное своё тело, т. е. всю совокупность своих греховных плотско-духовных дел, и обновиться» [4].

Макарий Великий обращение к православной вере соотнёс со сменой человеком душ: «Душе, истинно во Христа верующей, должно из нынешнего порочного состояния перейти в состояние иное, доброе, и нынешнее уничиженное естество изменить в естество иное, божественное, и соделаться естеством новым, при содействующей силе Св. Духа; и тогда может она стать благопотребною для небесного царства. Достигнуть же сего возможно только нам, которые веруем, истинно любим Его и исполняем все святые заповеди его» [5].

Проникновение в движение и суть человеческой памяти рождает конкретную активную позицию лирического героя, проясняющего присущие себе пристрастия, ошибки, но и подъём к небывалым открытиям своей сущности.

Перед читателем предстаёт целая галерея «душ», которые делают человека тем, кто он есть, делают его личностью, а не бездушным телом. А история внутренней жизни героя оказывается динамической сменой одного «лика» другим.

Начинает Гумилёв с ранних воспоминаний – своего детства. Первая душа – это «колдовской ребёнок», некрасивый и худой, живущий в самом себе, уединённо от людей. Единственные его друзья – дерево да рыжая собака. Здесь много очень точных автобиографических деталей.

Гумилёв, действительно, рос болезненным, слабым ребёнком, совершая странные для окружающих поступки. По воспоминаниям очевидца, «живя в Берёзках», он стал вести себя совершенно непонятно: пропадал по суткам, потом оказывалось, что он вырыл себе пещеру на берегу реки и проводил там время в посте и раздумье. Он пробовал даже совершать чудеса!.. Разочаровавшись в одном, он тотчас же хватался за другое, занимался астрономией, для чего проводил ночи на крыше, делал какие-то таинственные вычисления и опыты, не посвящая никого в свои занятия» [6]. Можно было бы посчитать, что это – обыкновенные детские забавы, если бы не стремление самого поэта увидеть своё детство загадочным и странным, во многом определившим всю дальнейшую жизнь:

*Самый первый: некрасив и тонок,
Полюбивший только сумрак роц,
Лист опавший, колдовской ребёнок,
Словом останавливавший дождь.*

*Дерево да рыжая собака,
Вот кого он взял себе в друзья,*

*Память, Память, ты не същишь
знака,
Не уверишь мир, что то был я¹ [7].*

Настойчивость упоминания рыжей собаки, «которую буду помнить, если она издохнет» [II, с. 5], позволяет спроецировать строки «Памяти» на реальное детство поэта или, точнее, на то, чем ему это детство казалось. Зрелый поэт, оглядываясь на странного ребёнка, пытающегося совершить чудеса, оттеняет, однако, в его облике зарождающуюся творческую натуру.

В этом его убеждают особые знаки: стремление к уединению, превратившееся затем в самоуглубление поэта; особое отношение к слову как к заклинанию, наделение его (слова) особой мистической силой воздействия; наблюдательность, взрастившая поэтическую зоркость. Самые, казалось бы, несерьёзные поступки дают возможность обобщить священную для автора сущность творческого процесса.

Детство для поэта не стало лишь эпизодом из прошлого. Оно приобрело особую ценность для зрелого Гумилёва. Ребёнок на этом этапе жизни впервые сталкивается с миром, вступает с ним в определённые взаимоотношения, отличные от отношений между взрослым с тем же миром. Это объясняется иным, детским, можно сказать, мифологическим мироощущением. У ребёнка есть ощущение внутреннего родства с земным царством, благодаря чему он совершенно естественно одушевляет природу, её стихии, воспринимает их живыми существами, которых можно как-то умиловать, заговорить. Дет-

¹ Все последующие ссылки на тексты Н. Гумилёва даны на это издание с указанием в тексте статьи тома и страницы.

ское сознание отдельной личности как бы повторяет опыт «детского возраста» человечества, в древние времена тоже творившего миф о своих сложных «отношениях» с солнцем, землёй, луной и пр. Связь ребёнка с природными явлениями становится столь же мистической, колдовской, приобретает особую, таинственную наполненность. Именно в этих способностях маленького мальчика видит автор знаки художественного призвания.

Взрослея, человек утрачивает подобную связь с миром. Ощущение этой утраты окрашено у Гумилёва в печальные тона.

Вторая душа рождена странной мечтой о необычной судьбе (подчинённой «ветру с юга») и вместе с тем грёзой о зове искусства («звоны лир»). В строфе проявляется другая интонация, не лишённая иронии. Она вызвана воспоминанием о собственной самоуверенности, о нескромном желании малое поднять до великого, приписав себе дар пересоздателя сущего.

*Говорил, что жизнь – его подруга,
Коврик под его ногами – мир [II, с. 35]*

Так отражено юношеское стремление к поэтической славе, к званию мэтра. Этот «срез» жизни совершенно отличен от предыдущего и далее изображён с ещё большей иронией, а негативная оценка взрослого человека усилена:

*Он совсем не нравится мне, это
Он хотел стать Богом и царём.
Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый
дом [II, с. 35].*

В подобных побуждениях прослеживаются черты юношеского

максимализма («коврик под его ногами – мир...», «он хотел стать Богом и царём»). Наличие таких устремлений Гумилёва подтверждают очевидцы. В письме З.Н. Гиппиус к В.Я. Брюсову от 8 января 1907 года рассказывается о том, что Гумилёв в их доме заявил о своём намерении «изменить мир», причём сопоставил свой будущий подвиг социального и религиозного реформаторства с реформаторскими «попытками» Христа и Будды, которые он дерзко называл «неудачными» [8].

Высшей жизненной ценностью тогда Гумилёв, действительно, считал не «созерцательность буддизма, не спиритуализм христианства» [9]. Юного поэта мучило дерзкое, нетерпеливое желание создать своё особое миропонимание, основанное на активном жизнеутверждающем начале, а также на уверенности в необходимости личного героического подвига во имя преобразования и мира, и человека. Тем не менее, как вытекает из последующих строф «Памяти», Гумилёв очень скоро отказался от идей реформации религии. Да и в самих строках о «вывеске» есть другой смысл.

От ребёнка в лирическом герое живёт иллюзорность представлений о жизни и о своём особом месте в ней. Но сконцентрированность на себе, на своём «я» вызывает жажду вечного движения, устремлённости к неведомому, непознанному. Юноша как будто бросает вызов, заявляя о себе как о настоящем первооткрывателе некоей недостижимой дали:

*Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый
дом [II, с. 35].*

Вводя образ «молчаливого дома», Гумилёв снова воплотил в нём несвойственное незрелому юнцу, внутренне выношенное понимание истинного творчества, несущего в себе некую тайну, которую в прошлом не постиг юный герой. Гумилёв писал в статье «Жизнь стиха»: «Древние уважали молчащего поэта, как уважают женщину, готовящуюся стать матерью» [IV, 160]. «Молчаливый дом» оказывается знаком совсем иного состояния личности по сравнению с тем, которое вызвало желание «стать Богом и царём». Подобно женщине, вынашивающей младенца, поэт тоже вынашивал замысел своего творчества в уединении, был абсолютно чужд громким фразам – самонадеянным «вывескам». Таинство рождения стихотворения подобно таинству рождения новой жизни, человека. Вот главный – «подтекстовый» – акцент этого отрывка.

Следующее состояние души раскрыто в её жажде экзотики и знакомства с новыми землями. Герой ощущает свою слитность с миром, чувствуя себя гражданином других стран и даже вселенной. Подобный облик лирического персонажа рождён значительным внутренним переломом. Прежде всего – преодолением самонадеянной уверенности в собственной врождённой (якобы не требующей развития) гениальности. Немаловажно и другое. Здесь по-новому озвучена тема родства с природой; только теперь не человек (как это было в детстве) создаёт миф о её силах. А она сама наделяет алчущего новых знаний яркими впечатлениями и переживаниями. Наконец, третий срез памяти позволяет конкретизировать представления о движении к неведомому, авторское «чувство пути».

Постоянный интерес Гумилёва к странам Африки побуждает его в 1907-1908 гг. совершить путешествие в Египет. Зимой 1909-1910 гг., а затем и осенью он едет в Абиссинию в составе экспедиции, организованной академиком В. Радловым, а в 1913 г. вновь направляется в Абиссинию по поручению Музея антропологии и этнографии для изучения и коллекционирования предметов быта африканских племён.

Никто не мог предсказать влияния этих поездок на последующее творчество Гумилёва. Его увлечение переросло в страсть, которая прежде всего выразилась в творчестве. В сборниках «Романтические цветы» и «Чужое небо» появляются первые «экзотические» стихи. В них отмечается стремление поэта к земной, вещной реальности. Но, с другой стороны, здесь проявилась нетерпеливая мечта поэта о необычайно ярком мире, которого он не видел в действительности. Вот это второе назначение путешествий глубоко осмыслено в стихотворении «Память», где прямо указывается на феномен далёких земель, неизвестных европейцу:

*Высока была его палатка,
Мулы были резвы и сильны,
Как вино, впивал он воздух сладкий
Белому неведомой страны* [II, с. 36].

Гумилёву удаётся передать в восьми строках ощущение «весёлой свободы», остро пережитое её избранником. Более того, удивительное сродство героя с небом, морем, которые как бы живут для него, даже уступая человеку в возможностях:

*Ах, ему так звонко пели воды
И завидовали облака [II, с. 36].*

Такое состояние души Гумилёв передал через локальные и сочные образы, определения, тем не менее, особой содержательной ёмкостью. Сколько жизни, чувства радости и праздника в нарисованной картине! Сам воздух опьяняет, как вино; воды «звонко поют», облака «завидуют» путешественнику, а «высокая палатка», резвые и сильные мулы позволяют почувствовать заворожённость экзотической обстановкой. И всё-таки главной в этой части стихотворения остаётся мысль об «избраннике свободы», поскольку в этом образе выражен общечеловеческий идеал вольной души, не знающей преград в своих влечениях к новому. А.И. Павловский предположил, что на страсть Гумилёва к неведомым пространствам и колориту повлияли полотна Поля Гогена. Французский художник, открыв для себя прекрасную землю Таити, ощутив её гармонию, смог осуществить своё призвание. Он стал живописцем, создавшим «новое искусство, глубоко индивидуальное и гениально простое, так что из него нельзя выкинуть ни одной части, не изменяя его сущности...» [10]. Такое совершенное сочетание глубоко субъективного, неповторимого и одновременно зримого, конкретного, естественного Гумилёв обрёл при восприятии Африки, её природы и в собственных переживаниях «избранника свободы, мореплавателя и стрелка». А углубил былые впечатления в стихотворении последнего сборника, подняв их до идеального выражения жизни-творчества.

Возникновение следующего лирического героя связано с событиями

войны. Поэтому понятна смена настроений. Однако с их гранью проступает внутренняя причина, по которой он –

*Променял весёлую свободу
На священный долгожданный бой
[II, 36].*

24 августа 1914 года Николай Гумилёв, не окончив университета, зачисляется добровольцем в гусарский полк и попадает на Западный фронт. В 1914-1915 гг. поэт дважды награждается Георгиевским крестом: в первый раз – за удачную конную разведку, во второй – за спасение пулемёта под артиллерийским огнём при отступлении.

*Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный
путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею нетронутую грудь [II, 36].*

Эти строки кроме указания на реальные события – награды Георгиевскими крестами – вбирают в себя и другой, куда более значительный смысл.

Война для Гумилёва стала не только переломом в его реальном положении, но и особым этапом в его творчестве, духовном бытии. Как вспоминал А.Я. Левинсон, Гумилёв принял войну «с простотою совершенной, с прямолинейной горячностью. Он был, пожалуй, одним из тех немногих людей в России, чью душу война застала в наибольшей боевой готовности. Патриотизм его был столь же безоговорочен, как безоблачно было его религиозное исповедание...» [11]. «Готовность» Гумилёва к военной деятельности не ис-

ключила, однако, тягостных открытий фронтовых испытаний и утрат. О них он с большой силой убеждения написал в своих «Записках кавалериста». В поэтической летописи боевых будней эти впечатления получили широкое обобщение. Пришли новые темы, связанные с судьбой России, определились философские мотивы «Солнца духа», «Души и тела». Все они воплотились в сборнике «Колчан» (1916). Этот сборник стал своеобразным итогом большой духовной работы. Именно в нём Гумилёв выделил своеобразный рубеж своего внутреннего состояния:

*Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной... [I, 245].*

А в стихотворении «Восьмистишие» есть горькое признание, возникшее тоже не без влияния военных испытаний: «*Мы никогда не понимали / Того, что стоило понять*» [I, 247]. Нелёгкие переживания собственных и общих потрясений по-новому осмыслены в «Огненном столпе».

Философский подтекст той части «Памяти», где отражены показательные факты: герой «променял весёлую свободу на священный долгожданный бой», перенёс «муки голода и жажды», «бесконечный путь» по кровавым дорогам – заключён в кратком и содержательном двестишии:

*Но святой Георгий тронул дважды
Пулею нетронутую грудь [II, 36].*

Здесь речь, как уже отмечалось, не только о награждении поэта Георгиевскими крестами, а о духовном его прозрении. Сущность нового понимания священных истин: о назначении поэ-

та, характере подвижничества, вере в божественное предопределение мира, грядущего России – в том числе, предчувствия явления Христа, – динамично и выразительно донесена в последующих четырёх строфах.

В первой акцент поставлен на идеале художника-зодчего, способного предвидеть возрождение Отчей земли как нового центра христианского учения, победы высокой нравственности, духовности:

*Я – угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах и на земле [II, 36].*

Далее эта мысль получает развитие вводом образа Нового Иерусалима – «на полях родной страны», иначе говоря, предсказанием появления небывалой святости в России по велению Всевышнего. Справедливо утверждение православного характера этих и подобных им признаний Гумилёва: «Выше всего в поэзии – сила духа. Вера в своё дело, в волевой напряжённости создания творчества, храбро-доблестного искания. В нём, как в русском православном воине и поэте, была и устремлённость сердца в будущее нашей Родины – России. Николай Семёнович знал, что нет торжества над ложью и злом вне героики доблестных усилий» [12]. Такие усилия раскрыты в стихотворении как предельно самоотверженное и внутренне напряжённое служение личности (поэта) Воле и Промыслу Господним:

*Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут,
ясны,*

*Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны* [II, 36].

Созидание храма – образное воплощение исканий истинной мудрости, которая совершенствует дух человеческий и народный. «Сердце будет пламенем палимо...» – состояние пронизанности жреческим огнём всего существа лирического героя, который в предчувствии, в предвидении чего-то. Пока ещё трудно объяснимого для людей, но предначертанного свыше, оправданного страданиями и заветами Христа.

Необходимо обратить внимание на перекличку, опирающуюся на священные тексты православия, между названием книги «Огненный столп» и мотивами, возникающими при воссоздании четвёртого этапа жизни. «Зодчий храма, восстающего во мгле», который «возревновал о славе Отчей как на небесах, и на земле» – почти парафраз молитвы «Отче наш». «Священный долгожданный бой», «сердце будет пламенем палимо», «стены Нового Иерусалима» – эти образы явно библейского происхождения.

Кульминацией гумилёвской концепции возрождения мира становится предпоследняя строфа, в которой появляется неведомый Путник. Лев и орёл рядом с ним раскрывают лирическому герою тайну «скрытого лица».

Лев и орёл – два из четырёх апокалипсических зверей, изображённых в Откровении Иоанна Богослова [Откр. 4: 6-8]: «И первое животное было подобно льву, и второе животное подобно орлу летящему». В позднейшей традиции эти животные трактуются как символические изображения четырёх

евангелистов: Матфея (ангел), Марка (лев), Луки (вол), Иоанна (орёл).

Первое явление Христа показывает трагедию человеческой души, не подготовленной к встрече с Сыном Божиим. В облике Христа потому и подчёркнуты светозарность, огневидность, способные потрясти и пробудить сонную душу: «Глава Его и волосы белые, как белая волна, как свет; и очи Его – пламень огненный; И ноги Его подобные халколивану, как раскаленные в печи; и голос Его – как шум вод многих; Он держал в деснице своей семь звезд, и из уст Его выходил острый с обеих сторон меч; и лице Его – как солнце, сияющее в силе своей. И когда я увидел Его, то пал к Его ногам, как мертвый» [Откр. 1: 14-17].

Итак, встреча с Путником в стихотворении Гумилёва апокалипсическая, «альфа и омега», «конец и начало». Ведь Апокалипсис – откровение не только о гибели, о судном дне, но прежде всего о преобразении душ, которое не может совершиться иначе, чем через гибель. Заметим: из четырёх животных оставлены только два. Из всех четырёх только образам льва и орла присуще значение непреодолимой власти, огня, солнца, бессмертия и воскресения (согласно легенде, львёнок рождается мёртвым, и львица, облизывая, воскрешает его. Орлу же приписывали умение омолаживаться, взлетая к солнцу и окунаясь там в волшебный источник). Перешедшая из глубокой древности традиция композиционного совмещения полярных символов – орла и змеи – в средневековой культуре трактуется как борьба Христа с сатаной; по смежности же значений (как символы воскресшего Христа) соединяются орёл и лев.

Обращает внимание точное указание направления движения льва: «следом». Но чтобы увидеть идущего следом, надо смотреть не в лицо, а в спину, то есть тоже двигаться вослед.

Лирический герой не видит лица «Путника», но движется вслед за Ним. Путь Христа – это путь крестной жертвы, полного отречения от себя. Наверное, поэтому «четвёртая душа» – конечный этап исканий героя, после которого невозможны и не нужны другие.

Все эти «срезы» жизни имеют единое, их скрепляющее начало, поскольку вызваны авторскими воспоминаниями, их осмыслением.

Образ памяти, его значение у Гумилёва осмыслен неоднозначно. Прежде всего, память олицетворена как великанша, ведущая жизнь под уздцы. Персонифицируя этот образ, поэт наделяет её многоликостью. Таким образом, в стихотворении воплощаются разные типы этого феномена человеческого сознания. Во-вторых, это личная память конкретного человека, соединяющая личные воспоминания и жизнь. Во-вторых, память выступает не только как личная, но и общечеловеческая, позволяющая «вспомнить» смысл разных этапов жизни человечества, сопоставив с ним конкретные события прошлого героя. Иначе этот тип памяти можно назвать генетической, т. е. «врождённой», передающейся от поколения поколению. В-третьих, не менее важной выступает историко-культурная память, обращённая к бездонному кладезю мудрости – Библии, которая активизирует постижение героем не просто человеческого опыта, накапливаемого веками, но и постижение смысла, т. е. сокровенной сущ-

ности духовного бытия прежде всего, Божественной Истины о возрождении человечества, Пути к очищению душ, начертанному Заветами Христа.

Первое произведение «Огненного столпа» создано в такой подвижной и оригинальной форме, что оно органично сочетает в себе сложнейшие процессы: осмысление заблуждений и достижений конкретного лица, постижение духовного потенциала человечества (в том числе – силой творчества), проникновение в тайну божественных предначертаний, в неколебимое значение откровений Иисуса Христа. Причём по ходу развития стихотворения стремительно нарастают позитивные моменты авторской исповеди. Она завершается слиянием индивидуального опыта личности с запросами большого мира и вступлением на завещанный Самим Господом путь испытаний и возрождения слабых, слепых людских душ.

«Память» сразу разрушает все досужие легенды, роившиеся вокруг имени Гумилёва. Его лирический герой отнюдь не идеализирован и не противопоставлен противоречивому человечеству, он ступает на общую для всех дорогу духовного совершенствования и самоотречённого служения Истине. Поэт был чужд идеям реформации православного учения, принимал никогда не иссякавший свет и мудрость Заветов Христа. Гумилёв периода создания стихов «Огненного столпа» немало пересмотрел положения своего акмеистского манифеста. В нём автор предлагал «познание Бога», «прекрасную даму Теологию» не опускать «до степени литературы». Позже, в последние годы своей жизни, Гумилёв в статье «Читатель» выдвинул иной лозунг: «Руководство в перерождении челове-

ка в высший тип принадлежит религии и поэзии» [IV, 177-178]. На первое место в таком акте поставлена религия и в стихотворении «Память».

Необычное выражение в этом произведении христианского идеала связано с тем, что автор мастерски соединяет здесь образ Христа и с небесными светилами («садом ослепительных планет»), и с неким земным существом – Путником. Вспомним, однако, что сходное употребление примет Христа жизненным реалиям («ноги Его – как раскаленные в печи»; «голос Его – как шум вод многих») и явлениям Царства Всевышнего («держал в деснице своей семь звезд») есть в Откровении Иоанна Богослова. Традиция священных текстов поэтом не нарушена.

«Память» сообщает настрой сборнику «Огненный столп». Во многих стихотворениях раскрыто здесь соотношение чувств лирического субъекта с объективным состоянием мира. Причём сложность, даже противоречивость личных переживаний при столкновении с историческими событиями в других ситуациях так или иначе мотивированы диссонансом реальной жизни.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Струве Г. О четырёх поэтах: Блок, Сологуб, Гумилёв, Мандельштам. Берлин, 1922. С. 122.
2. Гумилёв Н.С. Лирика / вст. ст. В.В. Иванова. Минск, 1999. С. 8.
3. Поучения старца Амвросия. М., 1966. С. 57.
4. Архиепископ Федор (Поздеевский). Смысл христианского подвига. М., 1995. С. 31.
5. Добротолюбие / сост. и предисл. Л.С. Кукушкина. М.: ООО «Изд-во АСТ»; Харьков, 2001. С. 130.
6. Гумилёв Н.С. Избранное / вст. ст. Н. Богомолова. М., 2000. С. 5.
7. Гумилёв Н.С. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М.: «Терра»-«Terra», 1991. С. 35.
8. Николай Гумилёв в воспоминаниях современников. М., 1990. С. 76.
9. Там же.
10. Гумилёв Н.С. Стихотворения и поэмы / вст. ст. А.И. Павловского. Л., 1988. С. 42.
11. Лукницкая В.К. Гумилёв Н.С. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990. С. 132.
12. Плетнёв Р. Н.С. Гумилёв (1886-1921): с открытым забралом // Н.С. Гумилёв: pro et contra: Личность и творчество Н.С. Гумилёва в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 1995. С. 591.

УДК 821.161.1

Петрова А.В.*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова***ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ РЕАЛЬНОСТИ
В ПОВЕСТИ Н. САДУР «ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА»**

Аннотация Статья посвящена интерпретации повести Н. Садур «Вечная мерзлота» (2001), где реалистические события соединяются с фантастическими эпизодами, затрудняющими понимание смысла. В статье выдвигается предположение о том, что неправдоподобные фрагменты в образной форме указывают на происходящее в подлинной реальности, которая апеллирует к сфере скрытого за видимым и очевидным. В основу сюжета заложен драматургический принцип, воспроизводящий ситуацию разделения человека в самом себе и направленный на поиск преодоления раздвоенности. В статье прослеживается сюжет, даётся истолкование антиреалистических эпизодов, определяется главная тема, что позволяет выявить своеобразие авторского подхода к проблеме реального.

Ключевые слова: Садур, проблема реальности, драматургический принцип, ситуация раздвоенности.

A. Petrova*Lomonosov Moscow State University***THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF EXTERNAL AND INTERNAL
REALITY IN NINA SADUR'S STORY "PERMAFROST"**

Abstract. The article is dedicated to interpret Nina Sadur's story "Permafrost" (2001). Real events in the story are intertwined with fictional episodes, which make the process of understanding more challenging. The article views the untruthful elements as the images which reflect the true reality hidden behind the visible and obvious. The plot is based on drama principle and unravels the person's inner division and duality. The article also examines the plot's dynamics and interprets anti-realistic episodes. The story's main theme brings out the singularity of the author's approach to the real.

Keywords: Sadur, the problem of reality, drama principle, the dual consciousness of a character.

Пьесы Нины Садур регулярно ставят на российских и зарубежных сценах, ее повести и рассказы вызывают неизменный интерес со стороны критики, однако книги её практически не переиздаются, и пишут о писательнице редко и неохотно. По-видимому, это объясняется странностью её произведений, трудностью включения их в какой-либо контекст. М.И. Громова отмечает, что «творчество писательницы до сих пор ждёт глубокого филологического исследования, научного рассмотрения её своеобразного художественного космоса» [1, с. 199]. По словам Е.В. Старченко, «творчеству писательницы присуща многогранность» [4, с. 322], однако жанровое многообразие произведений Садур в то же время ис-

ключает эклектичность, её художественный мир замкнут, узнаваем и не похож ни на какой другой. В текстах Садур сфера сверхъестественного взаимодействует с областью реального, они максимально сближены, что создаёт трудности при выборе подходящей интерпретации и является, по утверждению Б.В. Томашевского, признаком подлинно фантастического, где автор, указывая на внерациональную основу жизни, не навязывает своего мировидения читателю [5, с. 195].

Повесть «Вечная мерзлота» (2001) Нины Садур представляет интерес, прежде всего, тем, что не поддается традиционным методам истолкования. М.Н. Капрусова в статье «Мифологический подтекст повести "Вечная мерзлота"» [2] предпринимает попытку проанализировать произведение, исходя из установки на вторичность текста, где он представляет собой сплав многочисленных аллюзий на советское прошлое, отсылки к классике, заимствований из фольклора и Ветхого Завета. Сосредоточив внимание на выявлении мифологического уровня, исследователь, тем не менее, не выделяет главной темы произведения, что позволило бы проследить последовательность развития сюжета, раскрыть связь эпиграфа с содержанием. Установка М.Н. Капрусовой на то, что определяющей чертой текста является его вторичность, представляет его ещё более мозаичным, фрагментарным, чем он есть в действительности. Образные эпизоды, составляющие стержневую основу произведения, остаются без внимания исследователя – между тем от их истолкования зависит постижение текста в целом.

Представленная в повести историческая эпоха относится ко времени

рубежа XX-XXI веков, об этом мы узнаём, прежде всего, по характерным для неё реалиям – семья Лазуткиных занимается чёрным риэлторством; богатый Зиновий имеет поддельные удостоверения лётчика, академика и депутата; не приносящий прибыли продуктовый магазин переоборудуют в фирму компьютерной техники и т. п. Садур не только указывает на пороки времени, но и воссоздаёт атмосферу духоты, томления и скуки в обществе рыночных отношений.

География изображаемого также предельно очерчена: основные события происходят в центре Москвы, на углу пересечения Нового Арбата с Никитской улицей. Топографически точное описание обстановки напоминает репортаж с места событий, что сокращает дистанцию между читателем и миром повести. Максимально сжимаясь в пределах одной точки – маленького пятка в центре Москвы – пространство перестраивается по вертикали: помимо привычных координат верх/низ возникает мотив подземного мира, который отсылает к понятиям потаённого, скрытого за видимым: в квартире Лазуткиных на нижнем ярусе находится бассейн для плавания, который не угадывается за фасадом дома, и также подвал для заточения старух; героиню Лену мучает вопрос о том, как она живёт внутри себя, – «в той глубине, которую никогда не видела, но о которой часто думала» [3, с. 32].

Узнаваемая реальность соединяется с условными, нарочито неправдоподобными сценами, вследствие чего читатель оказывается поставлен в неудобное для себя положение – он не может проследить причинно-след-

ственные связи между событиями и выявить единство сюжетной линии. Чем больше читатель погружается в мир повести, тем очевиднее он запутывается в нём: в действие вплетаются новые эпизодические персонажи, возникают архаические мотивы воды, огня, крови, света, контекстуальное значение которых невозможно выявить путём логического анализа – в итоге реальность изображаемого приобретает искажённые черты.

В повести также возникают пограничные ситуации, преломляющиеся сразу в двух плоскостях – видимого, умопостигаемого и фантастического. Подобного рода ситуации создают эффект двоения: они могут случиться на самом деле, а могут и не произойти в жизни героя.

Очевидно, что условные элементы в повествовании нуждаются в подробном рассмотрении. Более того, мы предполагаем, что именно они выполняют роль источника смысла в тексте и их истолкование несёт возможность раскрытия основной темы. В своей интерпретации мы будем исходить из представления о тексте как о замкнутой на самоё себя системе, где расшифровывание образов следует искать имманентно, опираясь на внутренние законы организации художественного мира. Несмотря на кажущуюся статичность сюжета, когда события множатся, а время практически останавливается, мы будем рассматривать его в динамике, предположив наличие некоей метаситуации, которая имеет начало, развитие, кульминационный момент и разрешение.

Изначальный конфликт

В фокусе повествования сосредоточены два равновеликих героя, кото-

рые связаны между собой отношением внутреннего подобия. Лена и Петя находятся во внешне противоположных условиях – девочка растёт в бедной семье, носит одну кофту; богатые родители мальчика, напротив, одевают его в шёлковые рубашки и т. п. Тем не менее, подростки схожи – с ними не общаются сверстники, на уроках они пребывают в полубреду-полумечте. Однако признак их подобия выявляется и на более глубоком, сущностном, уровне.

Оба героя переживают ситуацию разобщённости со своим телом – оно становится источником их страданий и мук. Из-за постоянного голода Лена чувствует своё тело как состоящее из самостоятельных, живущих независимо от неё самой органов: «Лена уже привыкла, что от голода у неё болят кости. Болят тонкие худые руки, горло, глаза и даже, кажется, волосы. Волосы она все время стригла. Ей казалось, что они сосут её мозги» [3, с. 28-29]. Петя преувеличенно чувствует только одну часть себя – свой половой орган, что заставляет попасть его в зависимость от Марьи Петровны. Таким образом, повествование начинается с конфликта, который основан не на модели «человек-мир», а на ситуации разделения человека в самом себе, сопровождающейся утратой целостного восприятия себя, раздваиванием на духовный и телесный планы. Главные герои переживают сам факт наличия тела, они отличаются повреждённым, искажённым взглядом на свою физическую природу; но если Лена воспринимает себя буквально распадающейся на составные части, то Петя сосредоточен только на своём половом органе.

Возникающий в глубине героя конфликт вносит драматургический элемент в повествование, заставляя читателя сконцентрироваться на его дальнейшем разрешении.

Изначальная ситуация, в которую поставлены герои, связана с заявленной в эпиграфе темой памяти («Ибо помнят только бедные и одинокие» Лавкрафт), но в не совсем обычном её преломлении. Чувство постоянного голода разъединяет героиню со всем остальным миром, отстраняет от него: «Но Лене-то что до них <родителей> было? Она есть хотела до бреда, до иступления» [3, с. 28]. Физическое истощение ставит девочку на порог между жизнью и смертью: «Лена доучилась до девятого класса и всё ещё не умерла от голода. Почему она ходила в школу – неизвестно» [3, с. 28]. Определяющей чертой Лены является её постоянное чувство близости смерти, она любыми способами борется за жизнь – бежит за работницами столовой в надежде выпросить куриные кости, пробует еду из мусорного бачка. Состояние девочки можно охарактеризовать как пребывание в смертной памяти – но не отвлечёнными размышлениями, а конкретным, осязаемым переживанием себя на пороге ухода из жизни. Лена чувствует смерть как непосредственно исходящую из её нутра угрозу.

Петя тоже испытывает состояние смертной памяти, но оно является ему либо мгновениями: «Минуту назад над головой мальчика двуполое рыдало само от себя чудовище, и он думал про смерть одну, и вот где та тёмная минута?» [3, с. 22], или во сне – «Петя смотрел на студенистые задранные ноги учительницы, и ему казалось, что он умирает. Но умирает приятно. Та-

кое бывало с ним только во сне. Горячий ветер в паху и тёмный приятный холод в груди» [3, с. 13].

Отсюда мы можем предположить, что развитие сюжета будет рассказывать о сознательном (Лена) или неосознанном (Петя) поиске путей избавления от состояния смертной памяти, преодоления повреждённого взгляда на себя, примирения духовного плана с телесным и таким образом обретения равновесия, целостности. Очевидно, что фантастические элементы в тексте призваны отразить невидимые метаморфозы в мироощущении героев и нуждаются в объяснении.

Развитие действия

Все остальные персонажи «Вечной мерзлоты» не могут выйти за пределы видимого мира – они выполняют в тексте вспомогательную функцию – фрагменты с их участием призваны отразить ту или иную грань метаситуации, в которую поставлены главные герои. Каждая часть сюжета несёт в себе память о целом и, адекватно истолкованная, способствует выявлению большей полноты происходящего, углублению перспективы изображаемого. Сопутствующие главным героям персонажи не испытывают разделения внутри себя, их восприятие жизни поверхностно, они пребывают в забвении: «... Зиновий топтал вокруг дивана, отрывисто, как пароход, гудя, и Римма жарко и неразборчиво шептала, а мальчик писал в штаны и с ужасом думал: "Они очень большие и забыли смерть"» [3, с. 48]. Лена и Петя, напротив, ощущают внешний мир как неподлинный, заведомо лживый, он не может помочь им восстановить утраченное равновесие – впоследствии

они настолько отчуждаются от него, что становятся глухи даже к непосредственным угрозам: «Ходила девочка, будто спала, и даже когда незнакомые парни окружили её, она прошла сквозь их горячую стаю, как воздух» [3, с. 61].

Пребывая в ситуации порога, Лена ищет выхода на другой уровень восприятия жизни, невидимый людям в обычных обстоятельствах. Определяющие черты глубинной, скрытой за внешним, «изнаночной» стороны мира – проницаемость границ: «И чем меньше она ела, тем невероятнее раскрывалась жизнь вокруг её тощенького тельца. Ей стало казаться, что через всё видимое и осязаемое ею пространство проступают ещё какие-то присутствия. То ли другие города. То ли обрывки их названий. Места» [3, с. 30], а также отсутствие земных, понятных человеку переживаний – там «ничего нет, нет обиды, прохлада есть, даже мороз» [3, с. 36]. Девочка ищет способ выйти за грань земного мира, на понятийном языке повести – открыть невидимую дверь: «Дверь, она разлита кругом. Даже думать, искать не надо. Надо что-то сделать. Догадаться – что» [3, с. 36]. Решение приходит внезапно и неожиданно: Лена ловит дикую кошку, вливается ей в горло и пьёт из неё кровь.

Очевидно, что этот образ призван открыть смысл происходящего на духовном уровне реальности. Лена начинает копировать повадки и поведение животного: «Лене приятно было её представлять сейчас, девочка замурлыкала. <...> Лена затарахтела жарко и громко. Кошка потянулась к ней мордочкой, нюхая её издалека. Лена мурлыкала, взявукывая от наслаждения» [3, с. 36]. Девочка перевоплоща-

ется настолько правдоподобно и убедительно, что кошка начинает чують перед собой не человека, а такого же, как она, зверя. Лена становится двойником, зеркально отражающим кошку, находящимся по другую сторону от неё. В тот момент, когда девочка вливается в горло кошки, возникает образ отражения, втянувшего того, кого оно отражает и которое тем самым оживает за счёт смерти «оригинала». Этот образный эпизод указывает на то, что девочка не только становится двойником кошки, её внешним подобием, но и открывает в себе способность перенимать чужую сущность, метафорически вбирая в себя её кровь. Лена путём перевоплощения в кошку познаёт свои безграничные возможности, способность дойти до предельной степени самозабвения и стать другим существом.

Нечто подобное стремится воспроизвести Римма Лазуткина, и через её сопоставление с Леной выявляется отличие между подлинным, реальным знанием девочки и бесплодными попытками достичь проникновения в запредельное Риммы. Сцены, где мать Пети сидит напротив зеркальной поверхности, описываются иронически как явно несоответствующие реальности: «Римма Лазуткина, мелкий бухгалтер в НИИ, любила сидеть у трельяжа и, в трёх зеркалах отражаясь, шептать: "Я ведьма, я буду летать, я Маргарита. Мессир, я согласна"» [3, с. 48]. Очевидно, что женщина пытается воплотить своё затаённое желание в жизнь, призывая на помощь тёмные силы, однако ей не дано проникнуть за пределы обыденности, даже внешне она не обладает атрибутами длинноволосой прекрасной ведьмы: «Мама в это время ушла в свою комнату, к

своим зеркалам, трельяжам. <...> Она сидела, распустив негустые недлинные волосы» [3, с. 63]; «Волосы были короткими, жидкими. Но тряхнула ими, как гривой» [3, с. 92].

Описание того, каким образом Петя познаёт свои безграничные возможности и у него создаётся представление о наличии у него нечеловеческой силы, сосредоточено на внешнем, событийном уровне – в эпизоде со стариком. Петина комната находится над подвалом, куда его отец свозит пожилых людей и впоследствии их убивает. Петя проделывает дыру в полу, что выявляет мотив подглядывания, проникновения в запретное, скрытое для человеческих глаз, и видит старух и старика, приговорённых к смерти. Через эту щель в полу мальчик разговаривает со стариком и тот принимает его за Бога, исповедует ему свои грехи и просит прощения за напрасно растраченную жизнь. Вера старика в то, что он говорит с Богом, настолько сильна, что Петя проникается мыслью о своей могущественной, богоподобной природе и забывает о том, что некогда являлось источником его страданий: «Он перестал чувствовать своё тело (которое всегда чувствовал, всегда носил с собою и которое причинило ему столько неприятностей)» [3, с. 72].

Как и в случае с Леной, в данном фрагменте возникает образ двери, но если девочка сама догадывается, как обнажить скрытый за покровом видимой реальности мир, познать способность к перевоплощению в другого, то мальчику принадлежит пассивная роль: «Вдруг открылась невидимая Пете дверь» [3, с. 68]. Проникнутый сознанием своей силы, мальчик указывает старику способ выйти из заточе-

ния, фактически спасает их от смерти. Подросток буквально видит себя облаченным в венец: «Люстра, брызжа медовым светом, кружилась над головой. Виски заломило от такого венца. Жаркая люстра стала венцом огненным. "Что ж, венценосность приходит, приходит", – подумалось где-то сбоку» [3, с. 85]. Ощущение возвышенности над миром и остальными людьми проявляется в случае с Леной в мотиве пения: «Тонко и надменно кто-то пел над ухом. Неземной был голос, но и не небесный. Подозрительно поглядывала на Зацепину» [3, с. 51], в ситуации с Петей – в мотиве беззвучного хохота: «Петя смотрел на неё <Марью Петровну> иронично и, не выдерживая, прыскал смехом прямо ей в рот» [3, с. 79].

Схема построения сюжета напоминает пунктирную линию, где неправдоподобные события разрывают видимый и внешний контур реальности и знаменуют собой выходы-провалы в сферу глубинного, несущего информацию об истинной подоплёке события. На наш взгляд, самым загадочным и непонятным в «Вечной мерзлоте» предстаёт микросюжет с младенцем. Этот фрагмент представляется нам своего рода кульминацией, которая выводит конфликт к логическому решению.

Переломный момент

Рождение Марьей Петровной младенца, его дальнейшая судьба представляет собой ситуацию, находящуюся в промежуточной плоскости, на грани реального и условного. С одной стороны, читатель может допустить, что младенец, вследствие любовной связи между учительницей и учеником, действительно появляется на

свет. С другой стороны, преклонный возраст Марьи Петровны вызывает сомнения в реальности случившегося. Событие приобретает всё более необъяснимые, гротескно-фантастические черты: женщина относит ребёнка на помойку, где его находит Лена.

Очевидно, что в непосредственной реальности младенца нет, на что указывает следующий отрывок: «А однажды вместо формулы <Марья Петровна> написала слово "дитя" <...> Оглянувшись, привычно рывкнула, закрыла ладошкой "дитя", стыдясь, стерла. Глотала солёные слёзы несбывшегося» [3, с. 52]. В то же время младенец парадоксальным образом существует как возможность, активная сила, некий призрачный, переживаемый как реальный образ, вызванный из небытия желанием Лены иметь от Пети детей и установить с ним связь на всю жизнь.

Главная роль в появлении образа ребёнка принадлежит Лене, но она вызывает его из небытия, вмещает в зону пограничья через Марью Петровну, которая воплощает плотскую основу мира и своим звериным чутьём угадывает желание девочки: «На миг Дед Мороз задержал мутный свой, укороченный взор на одной Капусте: промёрзнув до кочерыжки, та клубилась остекленевшими листьями, вкрут их сводя, обвиваясь вокруг розоватого, уже оживающего младенца. "Давай, давай, – вскипало в мозгу. – Носочки... глазыньки... – тяжело опираясь на посох, волокся, размышляя. – Ребёночка ей захотелось. А больше тебе, суке, двоичнице, ничего не захотелось?"» [3, с. 42].

Лена хочет навсегда привязать Петю к себе, но, будучи почти бесплотной, она разобщена с земным, физиче-

ским началом, поэтому её желание не имеет чувственной силы, страстности, «горячности». Эту осязаемую чувственность, пылкость она заимствует у Марьи Петровны, тем самым придавая своему «бесплотному» желанию весомость, материальную, нутряную основу. Возникает переломный момент, где главная героиня стоит перед выбором: она может своё желание, которое она сделала страстным и осязаемым с помощью Марьи Петровны, подавить, возвратить в сферу небытия, отказаться от мечты привязать к себе Петю либо сознательно, волевым усилием призвать к жизни всю силу своего хотения и воздействовать на реальность.

Лена питает плод своей кровью, что указывает на то, что в своё ставшее чувственным и страстным желание она вкладывает всю волевою решимость воплотить его в жизнь, сделать видимой связь между ней и Петей, перевести из плоскости возможного в сферу реального. В этом эпизоде говорится, что, во-первых, девочка заимствует у Марьи Петровны её плотскую суть и делает своё желание соединиться с Петей страстным, чувственным, тем самым переводя невозможное в плоскость потенциального, во-вторых, она вкладывает в мечту всю свою решимость и веру, воздействует на реальность тем, что потенциальное видит как актуальное, сбывшееся, принимает его за истину. Пете ничего не остаётся, как почувствовать в самом себе «жгучую» мысль девочки быть с ним, принять это чужое желание за свой личный выбор и таким образом впасть в самообман и самообольщение.

Петя умирает для других людей и окончательно переходит в зону вечной мерзлоты, бестелесной мёртвой ду-

ховности, где его ждёт Лена. Мальчик принимает участие в убийстве своих родителей, Марьи Петровны и в конечном итоге совершает насилие над собой – через оскпление, отсечение той части тела, которая свидетельствовала о поврежденности, искаженности грехом природы человека и обращала к памятованию о смерти, он окончательно упраздняет мучительное, но необходимое ощущение противоречия между духовным и телесным планами. Память о своём личном несовершенстве причиняла герою боль, но в то же время она выполняла охранительные функции, не давая возобладать гордыне, постоянно указывая на то, что возможности человека не безграничны.

Разрешение конфликта

Петя окончательно становится вторым «я» Лены, её прямым двойником, он оказывается связан с жизнью и с людьми номинально – самым фактом своего пребывания в мире. Разрешение противоречия между телом и духом путём насилия над своей земной природой осмысливается в повести как абсолютная, тотальная, подлинная смерть, которая может и не сопровождаться физической гибелью. Отсюда становятся понятными слова дяди Али, который увидел истекающего кровью, но живого Петю: «"Да, это первый мёртвый за сегодня," – понял азербайджанец и с отвращением подумал про двух хитрых и злобных мертвецов в своём джипе» [3, с. 101].

Конец повести кажется идиллическим – Петя забирает Лену в свой богатый и пустой дом в центре Москвы. Для мальчика, который перешёл за грань земного и смотрит на мир потусторонним взглядом, девочка является

воплощением полноты, свершенности бытия – он видит её с ребёнком на руках, которого она кормит молоком, что указывает на предельную степень его самообмана и самообольщения, говорит о затемнённости его «духовного ока», лишении возможности видеть реальность такой, какая она есть на самом деле. Формально оставаясь в реальном мире, герои выходят из него и оказываются в зоне вечной мерзлоты, ледяной пустыни, бесплотной тёмной духовности, которая в этической системе повести означает смерть при жизни, невозстановимое разделение духа с телом, впадение в прелесть, охлаждение всех чувств. Девочка и мальчик останавливаются в развитии, будто застывают, становятся неуязвимы для земного мира, который ничем не может их коснуться, взволновать – и тем самым как бы вмерзают в вечность. Лена и Петя перестают страдать и томиться от ощущения близкой смерти вследствие того, что они уже умерли для жизни, перешли за грань, отделяющую людей от бесплотных духов.

В свете данной интерпретации становится понятным высказывание автора: «...повесть "Вечная мерзлота" <...> о том, как сегодняшние монстры родят уже даже не себе подобных, а вообще демонов» [6, с. 10] и то, в чём состоит демонизм героев. Источник зла, по мысли автора, влекущий за собой остальные пороки, – в отъединении духовного от телесного, идеального от земного, и, следовательно, в отсутствии сострадательного начала в человеке.

Применительно к повести «Вечная мерзлота» следует говорить об особой форме организации повествования. Внешне текст кажется распадающимся

на части, фрагменты, эпизоды, однако перспектива изображаемого мира начинает углубляться за счёт нашего всматривания в него, поисков связей между теми или иными событиями, героями, элементами. В нашей интерпретации мы показали, что в тексте возможно обнаружить сюжетную линию, но она не прослеживается на поверхностном, событийном уровне целиком, а представляет собой пунктир, где явленный и внешний контур реальности прерывается вставными, предельно условными фрагментами, которые являют собой выходы-провалы в глубину изображаемого мира и призваны косвенным, зашифрованным образом указать на то, что происходит на самом деле, снять покров видимого для выявления сущностного. Эти метафорические картины соприкасаются с внешней реальностью в неочевидных, непрямых связях, они выполняют роль знака, отсылающего к

области тайного, но способного быть познанным, что мы и попытались продемонстрировать в нашей интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Громова М.И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века. М.: Флинта: Наука, 2007. 363 с.
2. Капрусова М.Н. Мифологический подтекст повести Н. Садур “Вечная мерзлота” // Проблемы целостного анализа художественного произведения: межвузовский сборник научных и научно-методических статей. – Вып. 7. – Борисоглебск, 2007. С. 25-38.
3. Садур Н.Н. Вечная мерзлота. М.: ООО Изд-во Аст: Издат.дом «Зебра Е», 2004. 349 с.
4. Старченко Е.В. Мистические мотивы в драматургии Н.Н. Садур // Современная русская литература: Сб. ст. Ч. 1. Пермь, 2005. С. 322–330.
5. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект-пресс, 2003. 334 с.
6. Ульченко Е. Нина Садур: «Я ещё помню, как мыла в театре полы...» // Труд. 2002. № 53. С. 6.

УДК 821.161.1

Соболева А. А.*Литературный институт имени А. М. Горького (г. Москва)***МОТИВ КАСТАЛЬСКОГО ИСТОЧНИКА В СТИХОТВОРЕНИЯХ
Г.Р. ДЕРЖАВИНА, А.С. ПУШКИНА И Н.М. ЯЗЫКОВА**

Аннотация. Мифологический мотив источника, дарующего вдохновение, активно разрабатывался в русской поэзии XVIII–XIX веков. Державин посредством данного мотива утверждает преемственность русской литературы по отношению к античной и одновременно констатирует зарождение отечественной поэтической традиции. Пушкин использует условный язык античной мифологии для характеристики истоков и тематики своих стихотворений, при этом русскую литературу поэт считает частью мировой. Языков использует систему образов, сложившуюся в произведениях предшественников, и одновременно вступает с ними в полемику, отвергая европейскую культуру как источник творческого вдохновения.

Ключевые слова: мотив, Кастальский источник, Державин, Пушкин, Языков.

A. Soboleva*Maxim Gorky Literary Institute (Moscow)***THE MOTIVE OF THE CASTALIAN SPRING IN THE POETRY
OF G. DERZHAVIN, A. PUSHKIN AND N. YAZYKOV**

Abstract. The mythological motive of the spring that gives inspiration was actively developed in the Russian poetry of the 18th–19th centuries. By means of this motive Derzhavin affirms the succession of the Russian literature to the classical literature and at the same time establishes the beginning of the native poetical tradition. Pushkin uses the conventional language of the classical mythology to define the sources and the themes of his poems and he considers the Russian literature to be the part of the world literature. Yazykov uses the system of images formed in the works of the predecessors and at the same time he carries on polemics with them rejecting the European culture as the source of creative inspiration.

Keywords: motive, the Castalian Spring, Derzhavin, Pushkin, Yazykov.

В русской литературе XVIII–XIX веков часто упоминается мифологический мотив источника, дарующего вдохновение. Стихотворение Г.Р. Державина «Ключ» (1779 год)¹ написано в русле мировой поэтической традиции. Лирический герой созерцает источник, орошающий всю окрестность. Во второй и третьей строфах «Ключа» поэт описывает, как ручей воздействует на окружающую природу и человека, описание не касается непосредственно вида источника, но читатель слышит звуки льющейся воды благодаря повторам звуков [ш], [ш], [ч], [р]:

© Соболева А. А., 2015.

¹Поводом к созданию стихотворения послужило окончание М.М. Херасковым поэмы «Россияда». Описываемый источник находился в подмосковном селе Гребнево.

*Источник шумный и прозрачный,
Текущий с горной высоты,
Лука поящийся, доли злачны,
Кропящий перлами цветы,
О коль ты мне приятен зришься!*

*Ты чист, – и восхищаешь взоры,
Ты быстр, – и утешаешь слух;
Как серна, скачуща на горы,
Так мой к тебе стремится дух,
Желаньем петь тебя горящий*
[1, с. 123]. (Курсив мой. – А.С.)

Помимо рифм на указанные звуки в конце строки («прозрачный» – «злачны», «взоры» – «горы») Державин повторяет звуки в соседних строках, причём на одном и том же месте в строке («текущий» – «поящийся» – «кропящий», «горной» – «перлами», «восхищаешь» – «утешаешь» – «скачуща», «быстр» – «серна»). Звукопись, создающая ощущение журчания использована даже во фразах, описывающих не сам источник, а близлежащий пейзаж. Таким образом слова о том, что ключ питает окружающую природу, поддержаны художественным приёмом на фонетическом уровне. С одной стороны ключ орошает всё вокруг, с другой – гора, дуброва, солнце отражаются в воде. Если принять во внимание, что ключ в стихотворении символизирует поэтическое вдохновение, то становится очевидной мысль Державина о значении искусства, которое не только описывает, но и преобразует окружающую действительность¹.

Державин использует в своём стихотворении традиционный образ источника поэтического вдохновения из древнегреческой мифологии, ссылаясь

¹ В данном случае мы опираемся на теорию стиля А.Ф. Лосева [2, с. 205–206].

на которую есть непосредственно в тексте:

*...Завидую Пиита счастью,
Вкусившему воды твоей,
Парнаским лавром увенчанну*
[1, с. 124].

Использование мифологии, характерное для поэтов XVIII века, часто встречается и у Державина, например в стихотворении «Осень во время осады Очакова» (1788 год) [1, с. 128].

Данный художественный приём напрямую связан с мировоззрением автора. Классическая поэтика неотделима от классической концепции истории, базирующейся на бесспорном авторитете античности, разумности Ренессанса, обратившегося к античности как к эталону, усвоении Россией наук и искусств, зародившихся в древности и дальнейшем развитии этих наук и искусств [3, с. 60–63]. В стихотворении Державина описывается дарующий вдохновение ключ, он находится не в Греции, а в России. Таким образом поэт находит общие черты у принимаемой за образец античной литературы и литературы русской, только заявляющей о своём существовании. С одной стороны, данное стихотворение можно трактовать как попытку провести параллели между античной и русской литературой, утвердив тем самым ценность последней. С другой стороны, лирический герой державинского стихотворения, «сгорая стихотворства страстью» [1, с. 123], отправляется не к Кастальскому ключу, а к Гребневскому, то есть намечается формирование отечественной традиции, и поэт, не отказывая в авторитете античным образцам, говорит о желании черпать

вдохновение из отечественного источника и просит чистоты мыслей, подобной чистоте воды:

*...с чистою твоею струею
Сравнится в песнях мысль моя;
А лирный глас с твоим стремле-
нием* [1, с. 124].

В «Евгению. Жизнь Званская» (1807 год) Державин с ясностью обозначает, что он считает главной своей заслугой. Поэтические творения названы «рекой шумящей», «отзвуки от лиры» «неслись» [1, с. 390]. Подобное описание контрастирует с неспешным движением реки, на берегах которой творит поэт и безмолвным мраком вечности, в который предстоит погрузиться всему живому. Таким образом, если рассматривать приведённые выше строки не только в контексте данного стихотворения, но в контексте всего творчества Державина, можно сделать вывод, что Гавриил Романович прибегает к сравнению с рекой или морем, когда хочет говорить о всепобеждающем времени. Но если что и может противостоять времени, так это искусство, поэтому сравнение поэзии с рекой выглядит вполне закономерно.

Сравнение потока с мыслью, словом поэта мы увидим и в стихотворениях Н.М. Языкова. В послании «К А.А. Воейковой» (1824 год) Языков сравнивает с волнами поэтическое творчество:

*Как волны, высились, мешались,
Играли быстрые мечты;
Как образ волн, их красоты,
Их рост и силы изменялись...*
[8, с. 232–233]

Поэт в стихотворении описывает, как рождается произведение искусства:

*...И был я полон божества,
Могуч восстать до идеала,
И сладкозвучные слова,
Как перлы, память набирала*
[8, с. 233].

Волны ассоциируются, помимо красоты, с постоянным движением, изменениями, отсутствием покоя. Волны описаны при помощи глаголов или существительных, характеризующих действия. Так подчёркивается их динамичность. В приведённом отрывке появление стихов сравнивается с рождением жемчужины в море, так перед читателем возникает многоплановый образ: волны – мысли, стихи – перлы.

В поэзии Языкова слово «волны» неоднократно употребляется в описании мыслительного процесса и процесса речи. Так в послании «А.Н. Вульффу» («Теперь я в Камби, милый мой!») (1827 год) «Легко потоки дум и слов / Струятся в образы стихов» [8, с. 283]. Также «волны прежних упований» [8, с. 300] в послании «П.А. Осиповой» («Плоды воспетого мной сада...») (1827 год), «волны дум крутых и бурных» [8, с. 303] в «Элегии» («Вы не сбылись надежды милой...») (1827 год), «надежд и мыслей волны» [8, с. 314] в стихотворении «Дева ночи» (1828 год).

В «Кубке» (1831 год) под действием вина речь «струится» [8, с. 386]:

*...как волны за волнами,
Из души польются сами
Вдохновенные слова...* [8, с. 385]

В стихотворении «Я помню: был весел и шумен мой день...» (1834–1836 годы) беседа «тихим лилась разговором» [8, с. 425]. В послании «Графу А.А. Соллогубу» (1839 год) поэт предостерегает

адресата послания: «Обманчивой волной молвы не увлекайся» [8, с. 516].

Сравнение стихов Языкова с водным потоком характерно и для современников поэта [8, с. 682].

Вслед за Державиным и Языковым А.С. Пушкин в стихотворении «Осень. (Отрывок)» (1833 год) разрабатывает мотив рождения из потоков мысли («думы долгие в душе моей питаю» [6, с. 320]) литературного произведения:

*...Душа стесняется лирическим
волненьем,
Трепещет, и звучит, и ищет, как
во сне,
Излиться наконец свободным про-
явленьем <...>
И мысли в голове волнуются в от-
ваге...
Минута – и стихи свободно поте-
кут [6, с. 321].*

Образ Пушкина, в отличие от образов Державина и Языкова, более абстрактен. Связь с водой слов «излиться», «волнуются», «потекут» в «Осени» сохраняется на уровне внутренней формы, хотя в черновиках связь более очевидна: «стихи струёю потекут», «стихи рекою потекут» [6, с. 932]. Однако в окончательном варианте эта связь поддерживается следующим далее сравнением с кораблём, который отправляется в плавание. Таким образом сравнение мысли, слова с потоком воды получило развитие в русской литературе. Однако это отвлечение мотива Кастальского ключа скорее касается создания и жизни поэтического произведения. Основную линию мотива, связанную с определением источников поэтического вдохновения, вслед за Державиным развил в своём творчестве Пушкин.

В шутовском послании «Батюшкову» (1815 год) Пушкин опирается на условный язык античной мифологии для определения истоков и тематики своих произведений:

*В пещерах Геликона
Я некогда рождён;
Во имя Аполлона
Тибуллом окрещён,
И светлой Иппокреной
С издегства напоенный... [4, с. 87]*

Наряду с традиционными символами вдохновения (Геликон, Иппокрена и другие) автор использует общеизвестные имена поэтов, ставшие синонимами определённых жанров и направлений в литературе. Причём себя автор стихотворения называет продолжателем традиций Тибулла и Анакреона, в то время как адресат послания призывает поэта следовать за Вергилием и воспевать «войны кровавый пир» [4, с. 87]. Для темы нашего исследования данное произведение Пушкина заслуживает внимания, так как здесь русский поэт рассматривает свои произведения как продолжение классической традиции, причём шутовской тон стихотворения говорит о творческой свободе, с которой автор относится к достижениям предшественников. Кроме того важно отметить, что стихотворение «Батюшкову» наполнено не только отсылками к античной мифологии и литературе, но является частью современного Пушкину поэтического контекста, так как в послании говорится о творческом общении автора и адресата, а завершается произведение цитатой из В. А. Жуковского («К Батюшкову. Послание», 1812 год).

Описание направлений современной поэзии через название предшественников есть и в послании «К Батюшкову» (1814 год), где Пушкин упоминает не только древних авторов, но и Парни. В стихотворении 1815 года «Моему Аристарху» Пушкин перечисляет Анакреона, Шолье, Парни, проводя линию преемственности от античной литературы к французской и затем к современной русской, таким образом говоря о последовательном развитии искусства.

Античный мотив источника вдохновения используется Пушкиным и в послании «К Н.Я. Плюсковой» (1818 год):

*Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский ток шумел,
Я, вдохновлённый Аполлоном,
Елисавету тайно пел* [5, с. 62].

Приведённые строки являются примером условного оборота, традиционно используемого в поэзии для описания процесса творчества. Аналогичную функцию образ горного ключа выполняет в некоторых произведениях Языкова, например в стихотворении «Тригорское (посвящается П.А. Осиповой)» (1826 год), где есть ряд отсылок к древнегреческой мифологии, в том числе упоминается источник вдохновения [8, с. 268].

«Касталийские берега» [8, с. 297] находим и в языковском послании «Графу Д.И. Хвостову» (29 июля 1827). Однако наибольшее значение для нашего исследования имеют примеры, где упоминание источника не является традиционным поэтическим оборотом, а служит ключом к раскрытию смысла произведения. В связи с этим рассмотрим написанное в 1839 году в

Теодорсгалле произведение «К стихам моим», которое начинается летним пейзажем: «небо знойно, воздух мутен» [8, с. 513]. Поскольку в стихотворении Державина «Ключ» упоминаются луга, цветы, «долы злачны», «жатва золотая» [1, с. 123], очевидно, что речь также идёт о лете. Однако если у Державина «текущий с горной высоты» [1, с. 123] ключ шумный и быстрый, то у Языкова «горный ключ чуть-чуть журчит» [8, с. 513]. В обоих стихотворениях окружающая природа гармонирует с источником: у Державина «дубраву ветерок струит» [1, с. 123], у Языкова – сад «не шелохнет и молчит» [8, с. 513]. Выше было рассмотрено, как источник в стихотворении Державина оживляет всю окружающую природу, как дарит вдохновение поэту. В стихотворении Языкова «сад тенистый бесприютен» [8, с. 513], погода не способствует ни физическому здоровью, ни духовному:

*Попечитель винограда,
Летний жар ко мне суров;
Он противен мне измлада
Он, томящий до упада,
Рыжий враг моих стихов* [8, с. 514].

Данное произведение было рассмотрено Е.И. Хан с точки зрения фоники, которой Языков всегда уделял большое внимание [7, с. 132]. Сравнивая ритмику и лексическое содержание различных строк, исследовательница приходит к выводу, что поэт не использует характерные для его творчества пиррихии, когда говорит о медлительности неудачного стиха [7, с. 143–144], так смысл стихотворения соотносится с его звуковой организацией. Эти наблюдения особенно ценны

для изучения стиля Языкова, однако Е.И. Хан не рассматривает идеологическое противопоставление, положенное в основу произведения. После рассказа о невозможности творчества вдали от Родины поэт говорит: «Право, лучше знаменитой / Наш мороз!» [8, с. 514].

За прямым заявлением о неблагоприятности европейского климата для русского поэта стоит внутреннее убеждение автора в том, что вдохновение возможно черпать только из национальных источников: «хорошо душе тогда» [8, с. 514], и растянутый стих превращается в стройный.

Не отказывая произведению «К стихам моим» в самостоятельной художественной ценности, мы должны заметить, что его смысл становится наиболее полно понятен на фоне предшествовавшей литературной традиции. С одной стороны, Языков продолжает эту традицию, разрабатывая известный мотив и при этом используя сложившуюся систему художественных образов, а с другой – вступает в полемику с предшественниками. Рассматривая произведения Державина, Пушкина и Языкова следует иметь в виду время написания стихотворения и этап, на котором в тот момент находилась русская литература. Для классицизма было важно утвердить преемственность русской литературы по отношению к литературе античной, которая считалась идеальным образцом. В написанном в 1799 году «Ключе» Державин не только утверждает эту преемственность, но и говорит о рождении отечественной литературной традиции. В задачи этой работы не входит рассмотрение духовного развития Пушкина, для нашего исследования важно отметить отношение

к мировой литературной традиции, проявившееся в разработке мотива Кастальского источника. В раннем творчестве Пушкина происходит своеобразное расширение культурного пространства, освоение западноевропейского литературного наследия. При этом Пушкин, относящийся к следующему за Державиным поколению поэтов, опирался не только на зарубежную классику, но и на отечественную традицию, что он констатировал, называя в своих произведениях наряду с известными европейскими авторами Державина, Карамзина, Богдановича и других сочинителей¹. В стихотворениях Пушкина прослеживается мысль о причастности русских авторов к единому литературному процессу. Молодой Пушкин, подразумевая европейскую литературную традицию и отечественную литературу как её часть, заявляет, что он «светлой Иппокреной / С издетства напоенный» [4, с. 87]. На этом фоне особенно показательно выглядят строки Языкова о пагубности европейского климата для его стихов («он противен мне измлада» [8, с. 514]). Стоит учитывать, что «К стихам моим» было написано в 1839 году и явилось результатом многолетних духовных поисков поэта. Русская литература к тому времени уже не нуждалась в подтверждении собственной значимости, она освоила многие достижения европейской культуры, разработала собственные образцы, и, отвечая на вопрос о духовных основах творчества, Языков однозначно делает выбор в пользу национальных источников, отечественной исторической и религиозной традиции.

¹ Например, в «Послании цензору» (1822 год).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Державин Г.Р. Сочинения. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. 711 с.
2. Лосев А.Ф. Проблема художественного стиля. Киев: Collegium, Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 288 с.
3. Пумпянский Л.В. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. 864 с.
4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т.1. М.: Воскресенье, 1994. 463 с.
5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 2. М.: Воскресенье, 1994. 1206 с.
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 19 т. Т. 3. М.: Воскресенье, 1995. 935 с.
7. Хан Е.И. Жанровое и стилевое своеобразие лирики Н. М. Языкова: дисс... канд. филол. наук. М., 1979. 167 с.
8. Языков Н.М. Полное собрание стихотворений. М., Л.: Academia, 1934. 925 с.

УДК 82.09

Стрельникова А.А.*Московский государственный областной университет***ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КРИТИКЕ
ВАЛЬТЕРА БЕНЬЯМИНА**

Аннотация. В статье анализируются работы немецкого литературоведа и теоретика культуры В. Беньямина о современной ему литературной ситуации в Германии 1920-х гг. Отзываясь на новые противоречивые тенденции в немецкой литературе своего времени, критик обращается к «эпическому театру» Б. Брехта, романам Ф. Кафки, течению «новой деловитости», поэзии кабаре. Исследуя концепции и произведения различных авторов в связи с художественным, философским, социальным и политическим контекстом 1920-х годов, Беньямин стремится выявить подлинно новаторские явления современности. Субъективный характер ряда наблюдений выдаёт в нём не только критика, но и непосредственного участника литературного процесса своей эпохи.

Ключевые слова: литература Веймарской республики, литературоведение, марксистская критика, «новая деловитость», «обиходная поэзия».

A. Strelnikova*Moscow State Regional University***THE CRITICAL WORKS OF WALTER BENJAMIN ABOUT THE LITERARY
PROCESS IN THE WEIMAR REPUBLIC**

Abstract. The article analyzes the works of the German literary critic and cultural theorist W. Benjamin about the literary situation in Germany in the 1920s. In response to new conflicting trends in German literature of his time, the critic refers to the “epic theatre” of B. Brecht, novels by F. Kafka, the New Objectivity literature, the poetry of cabaret. Exploring concepts and works of various authors in connection with the artistic, philosophical, social and political context of the 1920s, Benjamin tries to identify truly innovative phenomenon of modernity. The subjective nature of some of the observations makes him not only a critic, but also a direct participant in the literary process of his epoch.

Keywords: the Weimar Republic's literature, literary criticism, Marxist criticism, New Objectivity, «everyday lyrics».

Немецкое, как и европейское, литературоведение 1920-х гг. сегодня трудно представить себе и тем более осмыслить без такой фигуры, как Вальтер Беньямин (Walter Benjamin, 1892 – 1940). Беньямину принадлежит значительное количество научных работ, эссе, рецензий на темы, связанные с теорией культуры, философией, эстетикой, педагогикой, историей и теорией масс-медиа, литературоведением. Ситуацию весьма сдержанных прижизненных откликов на его работы, исключая отдельных знатоков и друзей, и посмертную известность, по-

степенно превратившуюся в славу и моду, можно сравнить только с историей творчества и последующего открытия Франца Кафки.

В 1940 г. Беньямин, спасаясь от фашизма, в отчаянии совершает самоубийство на франко-испанской границе. Его архив сохранился благодаря давнему другу Гершому Шолему, а также Ханне Арендт, вывезшей некоторые рукописи из Германии. После войны Шолем вместе с Теодором Адорно предпринял значительные усилия и в течение двадцати лет в издательстве Зуркамп (Suhrkamp Verlag) во Франкфурте на Майне было начато и завершено издание тщательно систематизированного и детально прокомментированного собрания сочинений в семи объёмистых томах, в четырнадцати книгах. Отдельные работы Беньямина на русском языке появились в конце 1990-х гг. и продолжают переводиться.

В широчайшем круге интересов Беньямина литературоведческим работам принадлежит значительное, заметное, хотя и в целом рядоположное место среди его культурологических и философских работ. Автор этих работ занимает оригинальное и, как ясно сегодня, ведущее место в западном литературоведении 1920-х гг. Уникальной представляется его мировоззренческая позиция, с которой он выступает литературоведом и критиком.

Прежде всего, нужно отметить, что Беньямин родился в обеспеченной и солидной еврейской семье, в центре Берлина. Свои детские впечатления он описал в книгах «Берлинская хроника» («Berliner Chronik», 1932, опубл. в 1970) и «Берлинское детство на рубеже веков» («Berliner Kindheit um Neunzehnhundert», 1932-1934, опубл.

в 1987). Комфортная жизнь его семьи, наследственные представления о приличиях, визитах, родственных связях, респектабельности, однако, вызывали у Беньямина неприязнь, а впоследствии и резкое неприятие буржуазного уклада жизни. Об антураже в фототелье на детском снимке Ф. Кафки, с которым Беньямин явно чувствует душевное сродство, он пишет так: «И словно для того, чтобы сделать эти плюшевые тропики ещё более душными и тяжёлыми, в левой руке он держит невероятно большую шляпу с широкими полями, на испанский манер» [1, с. 118]. Традиционные, бюргерско-бидермайеровские интерьеры, как и весь усредненный жизненный уклад, воспринимается Беньямином как душный, затхлый, тесный, из которого сам он всю жизнь пытался бежать, постоянно путешествуя и многократно побывав в Неаполе, Риме, на Капри, в Париже, Риге, Москве и т. д.

Постепенно эта неприязнь становится осмысленной, и заставляет Беньямина занять «левые» позиции. Во времена Веймарской республики, обострённой политической ситуации, он не считает возможным оставаться «над схваткой». Проводя марксистскую линию в характеристике и анализе произведений, исследователь не был и никогда не стал коммунистом, понимая, что партбилет превратит его в ангажированного автора и лишит профессиональной и творческой свободы. Стиль, язык, эрудиция, выбор авторов для исследования уводят Беньямина далеко от однобокой марксистской критики тех лет. Более того, он удивительным образом сочетает в своих работах ярко выраженные левые позиции с эстетизмом.

Важно отметить, что Беньямин общался с различными писательскими и интеллектуальными кругами современников. Во-первых, это иудаистские мыслители, такие как Гершом Шолем и Мартин Бубер. С ними Беньямин сотрудничал и переписывался на протяжении многих лет, однако идеи иудаистской религии и культуры, которую изучали его друзья, не были настолько близки критику, чтобы посвятить им свою жизнь, хотя и вызывали его интерес. С другой стороны, Беньямин не стал «своим» и в кругах левых интеллектуалов. Много общаясь с Б. Брехтом, А. Лацис, Б. Райхом и другими активными участниками реформаторской театральной жизни тех лет, он все время получал упреки в склонности к мистике, в непонимании советской политики и в «неосторожных» высказываниях по отношению к партийной доктрине.

Беньямин занимал парадоксальную позицию марксиста-мистика и «левого» традиционалиста.

В 1920-е гг. автор работает в области литературоведения над своими важнейшими крупными трудами, среди которых «Происхождение немецкой барочной драмы» («Ursprung des deutschen Trauerspiels», 1928), **начинает** записывать свои наблюдения над произведениями Кафки, составившими несколько записных книжек, ныне опубликованных. Однако важные тенденции критической мысли немецкого исследователя нашли выражение в многочисленных рецензиях и небольших критических статьях, которые он публиковал преимущественно в журнале литературного обозрения «Литерарише вельт» («Die Literarische Welt»). В основном это краткие, но ёмкие и

выразительные рецензии на книги немецких, французских и русских (чаще советских) писателей.

Наибольшее внимание уделено Беньямином, разумеется, немецкой литературе. Здесь критик всецело развертывает свою позицию и свое понимание современного литературного процесса в Германии. Именно в работах Беньямина о немецких художественных течениях и фигурах проявляется вся самобытность его критического таланта. Мнение немецкого исследователя обычно резко отличается от идей его современников даже на фоне напряженных споров о литературе в эпоху Веймарской республики, где были представлены самые разные суждения, высказывания, как правило, с определенных политических позиций.

Прежде всего, у Беньямина вызывали протест течения и литературные феномены, ставшие модой. В частности, 1920-е гг. – время расцвета течения «новой деловитости» («Neue Sachlichkeit») с ее фактографичностью, стремлением к беспристрастности, объективности вплоть до некоторого цинизма. Выразителями стиля и эстетики «новой деловитости» стали А. Дёблин со своим знаменитым романом «Берлин, Александерплац» («Berlin Alexanderplatz», 1929), Э. Кестнер и его роман «Фабиян» («Fabian», 1931), Г. Кестен и др. В поэзии к данному течению относят прежде всего В. Меринга, К. Тухольского, Э. Кестнера. Надо сказать, что произведения разного рода – романы, фотографии, репортажи, очерки, фотомонтаж, документальное кино, – связанные с несентиментальным лаконизмом эстетики «новой деловитости», действительно стали

востребованы огромным числом читателей и зрителей. Беспристрастная, как объектив камеры, эта литература запечатлевала красоту и уродство, жестокость и милосердие, нищету и роскошь.

Большинство авторов «новой деловитости» причисляли себя – в разной степени – к левому направлению в искусстве. Бенъямин неоднократно писал о «новой деловитости», неизменно считая ее весьма сомнительной как с политической, так и с этической позиции. В работе «Автор как производитель» («**Autor als Produzent**», 1934) Бенъямин касается сначала фотографии как явления, ставя ее – по форме выражения – в один ряд с литературными произведениями «новой деловитости». Анализируя альбом фотографий немецкого мастера Альберта Ренгер-Патча «Мир прекрасен» («**Die Welt ist schön**», 1928), в котором в строгой и документальной манере запечатлены самые разные стороны действительности, критик выносит такое искусство в качестве примера новой эстетики, которая превращает самые страшные явления социального порядка в «предмет наслаждения». В первую очередь речь идет о нищете. Далее Бенъямин напрямую обращается к литературе «новой деловитости», утверждая, что «она превратила в предмет потребления борьбу с нищетой. По существу, ее политическое значение во многих случаях исчерпывалось превращением революционных импульсов, возникших у буржуазии, в предметы развлечения и забавы, без проблем интегрировавшиеся в программы кабаре в больших городах» [2, с. 147].

Свою критику Бенъямин распространяет и на такое яркое поэтическое

явление, укладывающееся в направление «новой деловитости», как «обиходная лирика», или «общеупотребительная лирика» («**Gebrauchslyrik**»). Это ироническое и сниженное наименование дали своим стихотворениям сами поэты, осознающие, что время поэтов-пророков прошло, и писавшие стихи на злободневные темы. Меринг, Тухольский, Кестнер представляли своим творчеством центр поэтической жизни Берлина 1920-х гг. Часто они писали стихи для художественного и политического кабаре. Симпатизируя социализму и представляя собой либерально-демократическую интеллигенцию, они выступали с критикой безработицы, высмеивали бонз правительства Веймарской республики, социал-демократическую партию. Сатирические короткие стихотворения и куплеты, в которых насмешливый тон соединялся с публицистичностью и вызывающими метафорами, идеально подходили для исполнения на подмостках кабаре.

Однако Бенъямин не находил в «обиходной лирике» ничего смелого, «левого» и выдающегося. Статью, посвященную новому стихотворному сборнику Э. Кестнера, Бенъямин назвал «Левая меланхолия» («**Linke Melancholie**»), отказавшись видеть в нем бунтарский порыв и подлинное желание переустроить действительность. По мнению критика, поэзия Кестнера есть не что иное, как паразитирование на модной теме безработицы и нищеты в Германии. Это всё то же меланхолическое и уютное соглашательство буржуа, только с «левым» уклоном. Сатирическое начало такой поэзии видится Бенъямину бурей в стакане воды: «Кестнер равным образом не в

силах ни задеть своими бунтарскими настроениями людей, лишенных власти, ни уязвить своей иронией крупных промышленников» [3, с. 377] Буржуа, надевший маску пролетария и обращающийся к нему со снисходительным сочувствием или запанибрата, на взгляд Беньямина, - худший вид современного «левого» поэта. Не испытывая ни голода, ни нужды, «обиходный» лирик на сцене кабаре лишь щекочет нервы публике, пришедшей развлечься.

Интересно, что косвенно в этом же упрекали и режиссера Э. Пискатора, основавшего свой «Пролетарский театр», в который приходила публика в дорогих вечерних костюмах и платьях, чтобы посмотреть на «дикий» революционный театр знаменитого режиссера и на борьбу пролетариата на сцене. Однако восприятие Беньямина острее и более аргументировано: «Леворадикальные публицисты, подобные Кестнеру, Мерингу или Тухольскому, и есть своего рода пролетарская мимикрия разложившейся буржуазии» [3, с. 378]. Беньямин не принимал ту бунтарскую литературу, которая лишь «играет» в политический радикализм. К ней критик причисляет и экспрессионизм, уже сошедший к тому времени с театральной и литературной сцены: «Экспрессионизм сделал революционный жест, воздев руку со сжатым кулаком из папье-маше» [3, с. 379]. Столь же саркастичен Беньямин в отношении к «обиходной лирике» и ее представителя Кестнера. Для критика экспрессионизм и «обиходная лирика» - это явления одного и того же порядка, несмотря на разную, и даже противоположную, эстетику: «Клокотание, слышимое в этих стихах, больше связано

с вздутием живота, чем с идеей общественного переворота» [3, с. 382].

Безусловно, в этом восприятии очевидна социологическая составляющая, более того, оно всё построено на идеологических и политических предпосылках. Но вместе с тем, в Беньяmine говорит человек классической поэтической традиции, который протестует против превращения поэзии в политическую агитацию и не приемлет самого принципа ее «обиходности» и «общепотребительности», в его глазах равную вседоступности. Беньямин выступает здесь не только как моралист, но и как строгий ценитель и ревнитель высокой поэзии, из которой ближе всего ему были И.В. Гете, С. Георге, Г. фон Гофмансталь, Р.М. Рильке. В том, что касается современной поэзии «новой деловитости», Беньямин безапелляционен: «Превращение политической борьбы из необходимости принятия решений в предмет развлечения, из средства производства в продукт потребления - это и есть последнее достижение данной литературы» [3, с. 380]. Меланхолия и тупик, бесплодное сотрясение воздуха и превращение поэта в кабареточного комика и шута - такова, по Беньямину, бесславная перспектива «обиходной» поэзии и «новой деловитости» в целом.

Не менее критичен вплоть до насмешливого уничтожения исследователь по отношению к новому сборнику В. Меринга. В рецензии на книгу «Стихи, песни и шансоны» («Die Gedichte, Lieder und Chansons des Walter Mehrling», 1929) немецкого автора Беньямин утверждает двойственный характер шансона, или, как сказали бы сегодня, его политику двойных стандартов - по видимости смелый, но на

самом деле трусливый. Подходящий в равной мере для развлечения и для революционных выступлений, этот жанр на немецкой почве представляется критику лживым. «Шансон, каким он перебрался к нам с Монмартра, был огнём, у которого богема спокойно нагревала себе руки, в то же время всегда готовая выхватить из огня полено и швырнуть его во дворец как горящий факел» [4, s. 183], – такой метафорой Беньямин начинает своё исследование истоков «обиходной лирики» и каба-ре. Немного остроумия, значительная порция сексуальности, доля раблезианства и балладной экспрессии – вот, по Беньямину, необходимые составляющие шансона, которые позволяют создавать его один за другим. Смелость его авторов представляется критику мнимой и направленной лишь на развлечение и удовлетворение «мазохизма буржуазной публики» [4, s. 184].

Исследователь противопоставляет «обиходной» лирике поэзию и театр Б. Брехта. Называя Брехта «лучшим шансонье после Ведекинда», Беньямин показывает, что и сам жанр может преобразиться у человека большого таланта и «верной» аналитической позиции. Именно Брехт, считает критик, способствовал эмансипации шансона от подмостков, сделал его лирическим героем дерзкого еретика и «хулигана», и именно благодаря ему «жанр нашёл своё острое, актуальное предназначение» [4, s. 183]. «Очуждая» привычную форму, Брехт превращает развлека-тельный жанр в средство интеллектуального политического и социального анализа современности, чего не дано авторам «обиходной лирики».

В 1920-е гг. Беньямин начинал осмысливать и феномен эпического теат-

ра Брехта, обращая особое внимание на принцип прерывания действия, которое, внезапно останавливаясь, «тем самым вынуждает слушателя занять позицию по отношению к процессу, а актёра – по отношению к своей роли» [2, с. 151]. Прерывание действия осуществляется за счёт зонгов, интермедий, жестов. Надо сказать, что жест Беньямин считал одним из самых важных элементов художественного произведения и начал писать об эстетике и значении жеста раньше других исследователей, в том числе и тех, кто изучал авангард. Так, значительная часть работы Беньямина о Кафке построена именно на внимании к жестике-куляции его персонажей.

Что же касается Брехта, то Беньямин часто возвращался к поэтике и законам его театра, а уже в 1930-е гг., в эмиграции, тесно общался с создателем эпического театра во время своих приездов к нему в Данию. Отношения их не были простыми, и, как правило, беседы выливались в непримиримые споры. Беньямин относился к Брехту с неизменным уважением, записывал их беседы, нередко цитировал Брехта в своих работах.

Однако его интересовало в творчестве немецкого драматурга и режиссёра нечто совсем иное, чем критиков и исследователей марксистской ориентации того времени. У Беньямина не найти высказываний о классовых противоречиях в пьесах Брехта, разоблачении милитаризма и пр. Вульгарный социологизм был Беньямину чужд. Он подходил к творчеству Брехта как знаток театральной культуры и видел в завершенности и целесообразности брехтовских драматургических и сценических построений воплощение

идеального соответствия идеи и образа, считая художественную практику Брехта действительно новым искусством, связанным с запросами современности и не паразитирующим на жанрах и формах прошлого. Брехт один из немногих, по мнению Беньямина, сумел вырваться из мира декаданса. В известной «дикости» и «грубости» брехтовского театра, его языка и стиля, да и высказываний, критик видел стремление прорваться к осязаемой и неприкрашенной реальности. Этим Брехт отличается от авторов «обиходной поэзии», которые пытаются «распродать» «пережитки декаданса» тем, кто победнее, ведь бедным приходится покупать то, что есть, – пишет критик, – и таким образом они получают чуть изменённое декадентское искусство, которое у богемы уже вышло из моды [4, s. 183].

Беньямин, безусловно, строгий и, пожалуй, не всегда справедливый критик. Тем не менее, замечания, равно как и язык, и метафорическая образность его статей имеют самостоятельную ценность: научную, историческую и, (не в последнюю очередь), художественную.

Когда анализу Беньямина подвергались произведения без столь явно выраженной политической окраски, к тому же вызывающие его симпатию и близкие ему по духу, интонация его рецензии или обзора становилась значительно мягче. Можно заметить, что манера, язык и стиль Беньямина во многом связаны с характером предмета исследования. Злободневные, реформаторские, политизированные произведения и явления побуждают Беньямина к столь же безапелляционным и резким замечаниям, «ударным»

метафорам и острополюемическим выпадам.

Рецензии на две книги о Берлине – «Таинственный Берлин» («*Heimliches Berlin*», 1927) и «Прогулки по Берлину» («*Spazieren in Berlin*», 1929) Франца Хесселя открывают «другого» Беньямина: задумчивого лирика, завожжённого загадочной жизнью немецкой столицы. Как и Хессель, Беньямин испытывал непреходящий интерес к структуре и «ауре» больших городов. С Хесселем критика связывали давние дружеские отношения, совместный перевод М. Пруста, парижские прогулки. Именно Париж, по Беньямину, «создал тип фланёра» [5, s. 195]. В своих книгах Хессель приглашает берлинцев вспомнить забытое «искусство фланирования», увидеть Берлин по-новому, прислушаться к его ритму и присмотреться к его знаковым местам. Те же места, что и Хесселю, были дороги и Беньямину, который впоследствии создал несколько «берлинских текстов», в частности, эссе «Берлинская хроника» и «Берлинское детство на рубеже веков» – это Тиргартен, Ландверканал, Кайзерштрассе и т. д.

Рецензируя книги Хесселя, критик отмечает удивительную игру слов писателя, создающих эффект наваждения города: «В его устах слова становятся магнитами, которые неудержимо притягивают другие слова», так что вся его проза «пронизана такими магнетическими цепочками» [6, s. 83].

Привнося в книгу Хесселя и собственные впечатления от Берлина, Беньямин становится едва ли не соавтором своего друга и даёт волю фантазии. И вот уже повседневный Ландверканал, столь часто в действительности фигурирующий в криминальной го-

родской хронике, превращается в таинственную реку, по которой медленно скользит античный чёлн с яблоками Гесперид и, подгоняемый западным ветром, причаливает у моста Геракла. Беньямина привлекает бесцельно прогуливающийся по берлинским улицам одинокий и меланхолический, как и он сам, лирический герой обеих книг, особенно «Прогулок». Ведь фланёр, пишет критик, – это «жрец гения места», способный почувствовать «метафизические пороги» Берлина – мосты, скверы, площади [5, s.196].

Интересно, что немецкий критик не считал, в отличие от своих современников, это произведение связанным с импрессионизмом и называл «Прогулки по Берлину» «абсолютно эпической книгой» [5, s. 194]. Собственно, в этих рецензиях Беньямин пишет не только о книгах Хесселя, но и о своём восприятии города, и делает это без социологической подоплёки. Речь не заходит, как и в его собственных «берлинских текстах», ни о рабочих районах, ни о социальной неоднородности берлинцев, ни о безработице и прочих многочисленных проблемах большого города в кризисные годы. Именно метафизика, как и само понятие «ауры» у Беньямина впоследствии вызывали некоторую досаду Брехта, для которого «марксист» Беньямин был философ-мистиком.

Работы Беньямина представляют значительный интерес для понимания литературной и политической полемики межвоенного времени в Германии, позволяя увидеть и живой литературный процесс эпохи, и его критическую оценку. Образный строй, язык, стиль, метафорика сближают исследовательскую эссеистику Беньямина с литературными произведениями, зачастую превращая его из критика-наблюдателя в участника литературной эпохи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беньямин В. Краткая история фотографии // Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. 287 с.
2. Беньямин В. Автор как производитель // Беньямин В. Учение о подобии. Указ. изд.
3. Беньямин В. Левая меланхолия // Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе. СПб.: Симпозиум, 2004. 478 с.
4. Benjamin W. Gebrauchslyrik? Aber nicht so! // Benjamin W. Gesammelte Schriften. In 7 Bnd. /hrsg. von R.Tiedemann und H. Schweppenhäuser/. Frankfurt am M., 1974-1991. Bd. III., 1972. 727 S.
5. Benjamin W. Die Wiederkehr des Flaneurs // Benjamin W. Gesammelte Schriften. Op. cit. Bd. III
6. Benjamin W. [Rez.]: Franz Hessel, Heimliches Berlin. // Benjamin W. Gesammelte Schriften. Op. cit. Bd. III.

УДК 82-991-1

Чупринова Н.В.*Московский государственный областной университет***ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ СЕСТЁР ТЕПЛОВЫХ НА СТРАНИЦАХ
АЛЬМАНАХОВ НАЧАЛА 1830-Х ГОДОВ**

Аннотация В статье проводится анализ некоторых поэтических публикаций сестёр Тепловых на страницах русских альманахов 1830-х годов. Выявляются общие темы, мотивы стихотворений, взаимосвязи между творчеством сестёр и поэтикой В.А.Жуковского. Приводятся также биографические данные, свидетельствующие о характере дружеских отношений между сёстрами. Выдвигается гипотеза о том, что стихотворения Надежды и Серафимы Тепловых, опубликованные на страницах альманахов «Северные цветы» (1832) и «Денница» (1834), образуют поэтический диалог. Этот диалог отсылает к особой реальности близких сестринских отношений, которая отделена от остального мира и описание которой возможно только в рамках женской поэзии.

Ключевые слова: сестры Тепловы, поэтический диалог, публикации, поэтические традиции, альманах.

N. Chuprinova*Moscow State Regional University***POETICAL DIALOG OF TEPOV SISTERS ON THE PAGES OF ALMANACS
OF EARLY 1830S**

Abstract. The article contains analysis of some poetical publications of Teplov sisters on the pages of the Russian almanacs of 1830s. The mutual themes are determined as well as the poem's motives, similarities of creative settings, correlation of sisters' creativity and poetical traditions of V. Zhukovskiy. The article also provides biographical evidence of the friendship among the sisters. A hypothesis is suggested that the poems by Nadezhda and Seraphima Teplova published in the "Northern Flowers" (1832) and "Dennitza" (1834) form a poetic dialog. The dialogue takes you to special reality of close relationship of the sisters that is separated from the rest of the world and the description of which is only possible within women's poetry.

Keywords: Teplov sisters, poetical dialog, publications, poetical traditions, almanac.

О том, как по-разному складывалась творческая судьба сестёр Тепловых, можно узнать из письма И.В. Киреевского от 10 декабря 1833 года, адресованного известной покровительнице писательниц и поэтесс своего времени А.П. Зонтаг. В нём критик обзорно характеризует русских писательниц и поэтесс, в том числе пишет о Надежде и Серафиме Тепловых. Так, И.В. Киреевский пишет о творчестве Надежды Тепловой следующее: «В лёгких, светлых, грациозно волнующихся стихах отразились <...> самые яркие, звёздные минуты из весенней, чистой, сердечно глубокой жизни поэтической девушки. <...> Кажется, здесь

всё правда, всё от сердца, ни одно чувство не выдуманно, и в этом отношении особенно замечательна эта музыкальная исповедь девушки-поэта. Язык её чистый, гармонический, иногда мужественно силён, часто необыкновенно грациозен. Несмотря, однако, на красоту каждой пьесы, в общем их впечатлении есть что-то грустное. Всё слишком идеальное, даже при светлой наружности, рождает в душе печаль каким-то магнетическим сочувствием; такова одинокая, чистая песнь, прослышанная сквозь нестройный, её заглушающий шум; такова жизнь девушки с душою пламенной, мечтательной, для которой из мира событий существуют ещё одни внутренние» [8, с.128-129]. О творчестве второй сестры, Серафимы, И.В. Киреевский отзывается таким образом: «Другая писательница, известная в литературе нашей под тем же именем, уже несколько лет, кажется, забыла свою лиру. Это тем больше жаль, что и ей также природа дала дарование не подложное. На минуту только блеснула она на горизонте нашей поэзии,—и уже один из первоклассных поэтов наших говорил ей:

*Вы знаете, как в хоры сладкогласны
Созвучные сливаются слова,
И чем они могучи и прекрасны
И чем поэзия жива;*

*Умеете вы мыслью своею
Чужую мысль далёко увлекать,
И, праведно господствуя над нею,
Её смирать и возвышать....»*
[8, с.129]

Слова критика дают общее представление о том, как развивался творческий путь двух сестёр. Как известно,

стихи Надежды Тепловой достаточно часто публиковались в журналах и в альманахах конца 1820-х–начала 1830-х годов, а также были изданы в виде поэтического сборника. Творческая судьба Серафимы Тепловой была подобна кратковременной вспышке на звёздном небосклоне поэзии, после которой количество публикаций постепенно уменьшалось, а к середине 1830-х гг. её имя исчезло из литературы насовсем.

Несмотря на то, что о творчестве Серафимы Тепловой известно значительно меньше, чем о поэтическом пути её сестры Надежды, из имеющихся нескольких публикаций стихотворений С.С. Тепловой в альманахах заметно, насколько две сестры были связаны не только кровной связью и сестринской дружбой, но и творческими исканиями. Для начала стоит обратиться к биографическим данным, многие из которых свидетельствуют о духовно близких отношениях между сёстрами. Из писем и других документов, сохранившихся в архиве М.А. Максимовича, видно, как на протяжении жизни были тесно связаны судьбы двух сестёр. «Посылаю вам, неоцененный кум [М.А. Максимович. – Н.Ч.!] Деканьки. Мы читали их вчера втроём с Сеничкой [Серафимой – Н.Ч.] и её мужем. И пугались, и трогались, и смеялись» [3, с. 403], – это из письма Н.С. Тепловой М.А. Максимовичу, написанного осенью 1832 года. Или отрывок из другого послания: «Сеничка теперь от меня за 200 вёрст. Д.Ф.[инициалы мужа Серафимы Тепловой. – Н.Ч.] определился почтмейстером в Клин, стихов она не пишет, а в прозе у неё есть кой-что, только всё неоконченное» (8 сентября 1839 года) [3, с. 418]. А вот отрывок из

биографии Н.С. Тепловой, написанной её сестрой Серафимой: «Овдовела в 1845-м году в мае, в один год и месяц с сестрой своей, верно, по особому промыслу Божию, благоволившему соединить хоть на время двух сестёр, горячо любивших друг друга и разрозненных судьбой. После сего она переселилась вместе с тремя детьми к сестре в Дмитров» [3, с. 426]. Несомненно, в данном фрагменте видна огромная сила душевной привязанности друг к другу двух близких людей, что проявится и в поэтическом творчестве сестёр Тепловых.

Известно, что после смерти сестры Серафима Пельская (Теплова) вначале пишет письма М.П. Погодину (издателю «Москвитянина»), а впоследствии – И.В. Аксакову, М.А. Максимовичу. Главная её цель – чтобы стихи «Надички» были изданы. И это желание сбывается – с помощью давнего друга сестёр М.А. Максимовича удаётся в 1860 году опубликовать третье переиздание сборника стихотворений Н.С. Тепловой.

Особенные отношения между двумя сёстрами отразились в их творчестве. Не только схожи темы, мотивы стихотворений, но заметно, что на страницах альманахов между Надеждой и Серафимой происходит своего рода диалог.

Первые публикации сестёр Тепловых в альманахах появляются в «Деннице» М.А. Максимовича, вышедшей в 1830 году. В данном издании на странице 121 представлено знаменитое стихотворение С.С. Тепловой «К***». Известно оно тем, что по сей день вызывает дискуссии литературоведов по поводу того, посвящено ли произведение К.Ф. Рылееву или нет:

К***

*Слезами горькими, тоскою
Твоя погибель почтена.
О верь, о верь, что над тобою
Стон скорби слышала волна!
О верь, что над тобой почило
Прощенье, мир, а не укор.
Что не страшна твоя могила
И не постыден твой позор!*
[5, с. 121].

В том же номере «Денницы» на с. 141 опубликовано стихотворение Н.С. Тепловой «Безнадежность»:

*Бывало, только залетали
Ко мне минутные печали,
Но мир прекрасен был мечтой;
Теперь тоска с моей душой.*

*Порою нет и упованья —
Как бы надежды и желанья
Волна морская унесла,
Как будто мир одела мгла...*

*И мил мне лес угрюмый, дикий,
И кипарис, и повелики,
Холодный камень гробовой
И ветра свист, и бури вой*
[5, с. 141].

Несмотря на разность тем, данные стихотворения похожи. Оба отличаются минорной интонацией. Первое, что привлекает внимание, – элегическая направленность каждого произведения. В стихотворении Н.С. Тепловой отразились характерные черты жанра «унылой» элегии, о чём говорят темы разочарования и тоски, утраты молодости, меланхолическое настроение, кладбищенские мотивы («кипарисы», «камень гробовой» и др.). Здесь

также звучит тема желанности смерти, характерная для поэзии Н.С. Тепловой. «В “унылой” <элегии> смерть – облегчение после трудного жизненного пути» [9, с. 92], – отмечает литературовед В.И. Козлов. В центре стихотворения – проблема духовного тупика личности, связанного с потерей надежд и мечтаний, а также отказ от социального мира и поворот к уединению и «к бездне». «Всякий раз в такой элегии слышится голос преждевременно охладелого молодого человека» [9, с. 95], – пишет В.И.Козлов.

Что касается стихотворения С.С. Тепловой, то оно содержит в себе черты элегии на смерть. В нём речь идёт о преждевременной гибели героя, которая связана с «позором», возможно, с самоубийством. Главной темой становится прощение юноши.

В обоих произведениях встречается образ волны (характерный для эгического жанра). Если в «Безнадежности» упоминания о море и о волне связаны с разочарованием в жизни и потерей надежд, то в стихотворении С.С. Тепловой море становится стихией, способной сочувствовать лирическому герою: волна слышит «стон скорби» юноши. Два этих текста, напечатанных в одном альманахе, говорят о поэтическом родстве, «созвучии» сестёр Тепловых. В некоторых дальнейших их публикациях можно увидеть поэтический диалог. Наиболее яркий пример – стихотворение С.С. Тепловой «Сестре в альбом», опубликованное в «Северных цветах» на 1832 год, а также произведение Н.С. Тепловой «К сестре» («Денница» 1834 года). О творчестве С.С. Тепловой известно довольно мало, поэтому затруднительно предполагать, существовали ли у

неё ещё публикации, посвященные сестре. Что же касается Н.С. Тепловой, то в поэтическом сборнике автора, изданном в 1860 году, опубликованы ещё несколько стихотворений схожего плана – «Сестре» (1831), «К сестре. В альбом» (дата неизвестна). Если ограничиться только публикациями в альманахах, стоит рассмотреть два уже упомянутых выше стихотворения, написанных в жанре послания.

Прежде всего, стоит отметить, что поэзия сестёр Тепловых привносит нечто новое и особенное в альманахи, а именно тему сестринской дружбы. Приведем текст стихотворения С.С. Тепловой:

Сестре в альбом

*Нам радости небесный гений
Является лишь в редкий час:
И люди милые для нас –
Как Оссиановския тени.*

*Но добрый путь тебе! Иди
До рубежа земных желаний
С толпой весёлою мечтаний,
И всё прекрасное найди*
[10, с. 55].

Произведение представляет собой доброжелательное напутствие близкому человеку. Заметно противопоставление этого и того, земного и небесного («небесный гений», «до рубежа земных желаний»), что в принципе характерно для поэтического стиля сестёр Тепловых. Настроение стихотворения – это светлое переживание, отражающее устремлённость к возвышенному. Лирическая героиня желает своей сестре испытать полноту земной жизни и встретиться с прекрасным.

Обозначена и общность двух сестёр, отделённая от остального мира («люди милые для нас»). Две сестры – это единое целое, о чём свидетельствуют местоимения «нам» и «нас». Остальной мир представлен чем-то более эфемерным и преходящим («Оссиановские тени»). Главное желание лирической героини – увидеть сестру весёлой, радостной, чувствующей полноту бытия.

Обратимся к стихотворению Н.С. Тепловой «К сестре», опубликованному в «Деннице» 1834 года:

К сестре

*Когда настанет час желанной
Разлуки с жизнью туманной,
И от земных тяжёлых уз
Я равнодушно отложусь:
Мир вечной жизни тихий, ясный
Тогда почитет на челе;
Но пережить тебя ужасно,
Покинуть тяжко на земле!
Тогда в душе, для услажденья
Минуты смертного томленья,
Я положу завет святой...
И жди меня в часы полночи,
Когда людей смежатся очи
И месяц встанет над рекой.
Приду на краткое свиданье,
Скажу, что я узнала там,
И замогильныя желанья,
И тайну неба передам!*
[6, с.66]

В данном тексте лирическое переживание оказывается более полным по сравнению с первым стихотворением. Как и в произведении С.С. Тепловой, здесь представлен разрыв между земным и небесным миром. Как отмечает В.Э. Вацуро, «традиционный мотив романтического неоплатониз-

ма – стремление к “небесной отчизне”, к разрыву “с земной существенностью»» [3, с. 401] является характерным для творчества Н.С. Тепловой. Мысль о расставании с жизнью вызывает равнодушие у лирической героини.

Тема земного существования в творчестве Надежды Тепловой устойчиво связана с образом темницы, «земных тяжёлых уз». Например, данный мотив звучит и в стихотворении «Любовь» (1831): «Я не снесу земных оков» [12, с. 11]. Смерть является «желанной» разлукой, и иной мир устойчиво ассоциируется с чем-то сладостным и прекрасным («Мир вечной жизни тихий, ясный...»). Самым дорогим человеком для лирической героини оказывается её сестра, именно её «покинуть тяжко на земле». Единство с сестрой, союз двух сестёр – это то, от чего сложнее всего отказаться в земной жизни. Вновь, как и в стихотворении С.С. Тепловой, возникает тема общности двух сестер, рождается мысль об особом мире, существование которого отделено от жизни остальных людей.

В стихотворении Н.С. Тепловой речь идёт о возможной встрече двух сестёр, даже после смерти одной из них, то есть сестринская любовь и дружба оказываются способны преодолеть законы бытия.

Заметно, что оба стихотворения связаны с поэтическими традициями В.А. Жуковского. Так, строчка в произведении С.С. Тепловой «как Оссиановские тени» отсылает к творчеству известного барда Оссиана, оказавшего серьёзное влияние на русских литераторов конца XVIII – начала XIX вв. Нельзя не вспомнить статью Н.И. Гнедича «О вольном переводе бюргеровой баллады “Ленора”», посвящённую

балладе В.А. Жуковского «Людмила». Комментируя следующие строки произведения:

*Слышат шорох тихих теней:
В час полуночных видений,
В дыме облака толпой.
...
Лёгким, светлым хороводом
В цепь воздушную свились –
Вот за ними понеслись!* [7, с. 12],

Н.И. Гнедич замечает: «Эти тени прекрасны, но они совершенно оссиановские тени, и в русской балладе – залетные гости!» [4]. Литературовед С. Сендерович обращает внимание на распространённость мотива тени в произведениях В.А. Жуковского: «<...> мотив тени оказывается в состоянии соединять в себе такие противоположности, как значение ‘временности, преходящести’ и значение ‘вечности’, символику мира живущих и мира загробного, представление чувственного покоя и мистического беспоконья» [11, с. 38].

Параллель с творчеством В.А. Жуковского (в частности, с балладой «Людмила») очевидна и при рассмотрении стихотворения Н.С. Тепловой – в обоих поэтических текстах важным становится эпизод с явлением умершего человека. Так, в основе сюжета баллады находится встреча главной героини с умершим женихом, приводящая к трагическому финалу. На первый взгляд, есть определённое сходство стихотворения Н.С. Тепловой с произведением Жуковского, например, в описании фона встречи с умершим. В обоих случаях встреча происходит / может произойти в «часы полночи», когда светит месяц («Ты ль? Откуда в

час полночи?», – обращается Людмила к жениху [7, с. 10]), то есть существует некоторое совпадение в романтическом фоне встречи.

Также стоит отметить и пушкинские традиции, присутствующие в стихотворении Н.С. Тепловой «К сестре». По мнению литературоведа Т.К. Батуровой, в данном произведении «выражено стремление прикоснуться к самому непостижимому – к жизни души после смерти» [1, с. 97]. Исследовательница пишет, что данная тема характерна для творчества Пушкина и стихотворение Н.С. Тепловой «К сестре» напоминает пушкинские «Заклинание», «Прощание», «Для берегов отчизны дальней...».

Но, несмотря на упомянутые параллели, стихотворение Н.С. Тепловой повествует об иной ситуации. В балладе В.А. Жуковского нарушение границ между реальным и потусторонним миром приводит героиню к смертельному исходу, у А.С. Пушкина декларируется невозможность пересечения данной границы – её можно преодолеть только с помощью воображения. Что же касается стихотворения Н.С. Тепловой, подобный контакт с умершим возможен и он ничем не грозит живому: иной мир не опасен.

Таким образом, в стихотворениях сестёр Тепловых очевидны параллели с творчеством В.А. Жуковского, а в случае с Н.С. Тепловой – и с произведениями А.С. Пушкина, но при этом поэзия сестёр отличается оригинальными интерпретациями традиционных мотивов и, прежде всего, приоткрывает интимный мир женской души и женских переживаний. В стихотворении Н.С. Тепловой разворачивается более камерная ситуация, и касается она се-

стринской дружбы. Даже после смерти оказывается возможной встреча двух сестёр, во время которой одна из них передаёт другой секрет, самую сокровенную тайну бытия – что ожидает человека в загробном мире. Узы любви двух сестёр являются такими же сильными и нерушимыми, как и чувства влюблённых. Душевная связь двух сестёр – это необыкновенно глубокое чувство, которое способно преодолеть границу между этим и иным миром.

Литературовед Т.К. Батунова отмечает: «Духовное единство – основное, что связывало литераторов пушкинского круга, хотя и были они людьми разными по характеру, темпераменту, интересам, таланту» [2, с. 98].

Публикации сестёр Тепловых в альманахах отражают, с одной стороны, творческое родство душ, когда в произведениях оказываются созвучными жанровое своеобразие, настроения и мотивы. С другой стороны, опубликованные в «Северных цветах» и в «Деннице» два упомянутых стихотворения говорят не только об общей «основе» поэтического творчества сестёр, например, о влиянии традиций В.А. Жуковского. Прежде всего, оба стихотворения содержат намёки на особую реальность, отделённую от обычной жизни, – мир интимных переживаний двух сестёр. В произведении С.С. Тепловой отсылки к этой особенной реальности даны более кратко, что может свидетельствовать об определённом «коде», «языке», специфических переживаниях и реалиях, понятных только двум близким людям. В стихотворении Н.С. Тепловой в большей степени развёрнута тема родства душ двух сестёр, глубокой связи между ними, которую не способна разорвать даже смерть.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Батунова Т.К. Страницы русских альманахов (Духовные искания литераторов пушкинского круга). М.: Век, 1998. 108 с.
2. Батунова Т.К. Петербургские альманахи пушкинского времени в духовном аспекте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. М., 2012. №3. С. 96–101.
3. Вацура В.Э. Пушкинская пора. СПб: Академический проспект, 2000. 624 с.
4. Гнедич Н.И. О вольном переводе бюргеровской баллады «Ленора» [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/gnedich_n_i/text_0210.shtml (дата обращения 01.11.2014)
5. Денница. Альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем. М., 1830.
6. Денница. Альманах на 1834 год, изданный М. Максимовичем. М., 1834.
7. Жуковский В.А. Людмила // Жуковский В.А. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Баллады и повести. М., Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. С. 7-13.
8. Киреевский И.В. О русских писательницах (Письмо к Анне Петровне Зонтаг) // Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 123-131.
9. Козлов В.И. Русская элегия неканонического периода. Очерки типологии и истории. М.: Языки славянской культуры, 2013. 280 с.
10. Северные цветы. Альманах на 1832 год. СПб., 1831.
11. Сендерович С. Фигура сокрытия. Избранные работы. Том 1. О русской поэзии XIX-XX веков. Об истории русской художественной культуры. М.: Языки славянских культур, 2012. 600 с.
12. Теплова Н.С. Стихотворения Надежды Тепловой. М.: Тип. С. Селивановского, 1860. 135 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 70-летию профессора В.В. Востокова

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ»

18-20 сентября 2014 года на историко-филологическом факультете Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского состоялась традиционная Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы современной русистики», организованная кафедрой русского языка и методики его преподавания. Конференция была посвящена 70-летию доктора филологических наук профессора В.В. Востокова.

Валерий Викторович Востоков родился в с. Сухобезводное Горьковской области в семье филологов: его родители в 30-х годах XX века закончили филологический факультет Горьковского (Нижегородского) педагогического института и более сорока лет вели преподавательскую деятельность в вузах Горьковской, Вологодской областей и Хабаровского края. В 1961 году Востоковы из Комсомольска-на-Амуре переехали в Арзамас на работу в Арзамасский педагогический институт им. А.П. Гайдара. В 1963 году, сразу после выпускного бала в школе № 4 им. С.М. Кирова, Валерий Викторович был призван на срочную службу в ВМФ СССР. Почти пять лет он провёл на атомной подводной лодке дважды Краснознамённого Тихоокеанского флота, участвовал в четырёх автономных походах, награждён авторитетным у подводников нагрудным знаком «За дальний поход» и медалью «XX лет победы в Великой Отечественной войне».

Окончив в 1973 г. факультет русского языка и литературы Арзамасского пединститута и получив диплом с отличием, начинает работать на кафедре русского языка этого вуза. Ещё будучи студентом, Валерий Викторович проявил способности к научной деятельности: был участником научного студенческого семинара, которым в Горьковском университете руководил доктор филологических наук профессор Борис Николаевич Головин, первым в истории института защитил дипломную работу по русскому языку.

В 1977 году, после окончания аспирантуры в Московском областном педагогическом институте им. Н.К. Крупской, Валерий Викторович защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Его научный руководитель – выдающийся отечественный лингвист Павел Александрович Лекант. Дружбой с этим большим учёным и замечательным человеком Валерий Викторович связан и по сей день.

В 2000 году в Московском педагогическом университете Валерий Викторович защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора филологических наук

по теме «Система грамматических значений простого предложения в современном русском языке». В 2001 г. ему присвоено учёное звание профессора. В этом же году он был избран членом-корреспондентом Международной академии наук педагогического образования, а в 2004 г. – действительным членом (академиком) этой Академии.

В.В. Востоков – автор более 150 научных работ, в том числе 15 монографий и учебных пособий. Основным объектом научного изучения для него был и остаётся синтаксис современного русского языка. Валерий Викторович разработал концепцию системы грамматических значений простого предложения, включающей диктумную категорию бытийности и модусные категории модальности, темпоральности, персональности, сформулировал понятие синтаксического поля предложения, основанное на соотношении указанных четырёх грамматических значений простого предложения; исследовал сущность категорий модальности и синтаксического лица, а также взаимодействие их в простом предложении современного русского языка, дал оригинальную трактовку бытийности как присущего каждому предложению русского языка значения существования в действительности предметов, процессов, признаков, явлений. В.В. Востоков обосновал и разработал семантическую типологию сложносочинённого и сложноподчинённого предложения. Кроме того, в сфере его интересов находятся язык и стиль русских писателей (Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, Л.Н. Андреев, А.П. Гайдар). По этой тематике он руководит научной работой студентов и аспирантов. За пло-

дотворную научно-педагогическую деятельность В.В. Востоков награждён Министерством образования и науки РФ значком «За руководство научной работой студентов».

Валерий Викторович сочетает научную работу с педагогической деятельностью, причём педагогический аспект всегда был для него приоритетным. Более сорока лет жизни им отдано Арзамасскому государственному педагогическому институту им. А.П. Гайдара (в настоящее время – Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета). Десять лет он был деканом педагогического факультета, почти четверть века – заведующим кафедрой русского языка. За многолетний плодотворный труд Валерий Викторович награждён медалью «За трудовую доблесть», знаком «Почетный работник высшего профессионального образования», нагрудным знаком «Заслуженный работник высшего профессионального образования РФ», Почётными грамотами.

Научная, педагогическая и общественная деятельность В.В. Востокова не замыкается только на своём вузе: он всегда активно участвует в жизни родного города, области, страны. Так, многие годы он был членом диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций в ННГУ им. Н.И. Лобачевского, более двадцати лет является научным руководителем Арзамасской гимназии, систематически выступает оппонентом и рецензентом научных исследований по русскому языку, выполненных в ведущих вузах России.

На пленарном заседании участники конференции, коллеги, ученики, друзья, единомышленники, поздравив Валерия Викторовича с юбилеем, по-

желали ему крепкого здоровья, творческого долголетия, новых научных достижений.

Участниками конференции стали Московский государственный областной университет, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Ивановский государственный университет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, образовательные учреждения г. Арзамаса и Нижегородской области.

Программа конференции включала пленарное заседание, работу трёх секций, культурную программу. На пленарном заседании с приветственным словом к участникам и гостям конференции обратился заместитель директора по учебной и научной работе Арзамасского филиала ННГУ доктор филологических наук профессор С.Н. Пяткин, отметивший, что сегодня филиал, сохраняя традиции Арзамасского пединститута, остаётся научным и культурно-просветительским центром юга Нижегородской области. Свидетельством этому служат и конференции, регулярно проводимые кафедрой русского языка и методики его преподавания: «Арзамасские филологические чтения» (2003, 2006, 2008 гг.), «Русские народные говоры: история и современность» (2005 г.), «Проблемы современной русистики: язык – культура – фольклор» (2004 г.),

«Региональная лексика в историко-культурологическом аспекте» (2007 г.), «Русское народное слово в языке и речи» (2009 г.), «Русское слово: прошлое, настоящее, будущее» (2012 г.), «Русский язык как государственный язык Российской Федерации» (2012 г.) и др.

С докладами на пленарном заседании выступили д. филол. н. проф. В.В. Востоков: «Грамматические значения предложения в современном русском языке», д. филол. н. проф. Л.В. Рацибурская (ННГУ): «Новые тенденции в медийном словотворчестве», д. филол. н. проф. Н.Е. Петрова (НГПУ): «Причастие и категория степени сравнения», д. филол. н. проф. Т.Б. Радбиль (ННГУ): «Национально-специфичные модели коммуникации в современной русской речи», д. филол. н. проф. Л.А. Климова (АФ ННГУ): «Деминутивы в русских народных сказках».

Дальнейшая работа конференции проходила в следующих секциях: «Проблемы современной русистики: общетеоретические и методические аспекты», «Проблемы диалектологии и истории русского языка» и «Проблемы современной русистики в исследованиях молодых учёных».

Культурная программа включала экскурсию по историческим местам г. Арзамаса, поездку в Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь, посещение Государственного литературно-мемориального и природного музея-заповедника А.С. Пушкина «Болдино».

По итогам конференции планируется издание сборника материалов.

**О.В. Никифорова,
А.В. Пряников**

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М.В. ЛОМОНОСОВА : КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ / ОТВ. РЕД. П.Е. БУХАРКИН, С.С. ВОЛКОВ, Е.М. МАТВЕЕВ. СПБ.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2013

М.В. Ломоносов – фигура, принципиально значимая для понимания, пожалуй, всей русской культуры Нового времени. Интерес к филологическому наследию Ломоносова обеспечивается глубинными потребностями этой культуры в самопознании и в саморазвитии. Книга «Филологическое наследие М.В. Ломоносова: коллективная монография» (отв. ред. П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, Е.М. Матвеев) (СПб.: Нестор-История, 2013) отражает усилия современной науки понять и оценить этот грандиозный научный и культурный феномен. Основу сборника составили материалы конференции, посвящённой 300-летию со дня рождения Ломоносова. Но итоговый его текст нельзя назвать просто сборником текстов выступлений. С одной стороны, он явил собою портрет современной филологической мысли как в общетеоретическом, так и прикладном аспектах, а с другой стороны, воссоздал – и это очень ценно – некоторые фрагменты того культурного пространства, в котором формировалась поэтическая и теоретическая мысль Ломоносова. Сюжет первых двух разделов книги («М.В. Ломоносов и риторическая традиция» и «М.В. Ломоносов и формирование грамматической теории в России XVIII века») составляет процесс становления гуманитарных традиций в России и Европе середины XVIII века, и Ломоносов (по прочтении этих частей) видится *одним из многих* участников этого процесса. Сюжет третьего раздела («Идиолект М.В. Ломоносова») не столь динамичен, в силу его лингвистической заданности. Но даже и в этом разделе самый материал, анализируемый исследователями (топонимика Арктики, Петровская копия Радзивилловской летописи, слова «*нусть*», «*пускай*», «*пуццай*» в языке Ломоносова, немецкий язык Ломоносова), свидетельствует о том живом и сложном процессе становления языка, непосредственным участником и аналитиком которого был Ломоносов. В свете вышесказанного представляется допустимой корректура названия книги. В качестве рабочих альтернатив могут выступить такие названия, как «Ломоносов и филологическая русско-европейская традиция XVIII века» или «Литературное наследие Ломоносова: проблемы рефлексии и оценки». Книга претендует быть итоговой на современном этапе изучения своего предмета и, на наш взгляд, должна стимулировать новые изыскания в этой области.

Сфера филологических интересов Ломоносова, с одной стороны, и необходимость выяснения своеобразия его речевой практики, с другой стороны, определи-

ли глубинный замысел книги: условно её можно разделить на две части. «Первая из них посвящена как непосредственно филологическим работам Ломоносова, так и тому научному пространству, в котором сперва формировались, а затем уже и резонировали его филологические идеи» (с. 11). Вторая часть обращена к «разным сторонам ломоносовского идиолекта» (с. 13). Не выделенные композиционно, эти части открываются читателю по мере постепенного его ознакомления с книгой. Структурно книга разделена на три раздела: «М.В. Ломоносов и риторическая традиция», «М.В. Ломоносов и формирование грамматической теории в России XVIII века» и «Идиолект Ломоносова».

Первый раздел книги – «**М.В. Ломоносов и риторическая традиция**» – открывается статьёй «*Словарь-справочник «Риторика М.В. Ломоносова»: источники и тексты*», написанной заведующим отделом «Словарь языка М.В. Ломоносова» ИЛИ РАН **С.С. Волковым**. Ставшая плодом работы отдела по созданию трехязычного толково-энциклопедического «Словаря языка М.В. Ломоносова», словаря «М.В. Ломоносов и культура Германии XVIII века» и словаря «Риторика М.В. Ломоносова», статья являет собою описание ключевых проблемных вопросов, с которыми столкнулись составители словарей языка Ломоносова. Этими вопросами оказались отбор корректных текстов М.В. Ломоносова (тексты Ломоносова при подготовке издания АПСС были модернизированы и потому требуют сопроводительного комментария), создание инвариантного текста, необходимого по причине неустойчивости текста при

жизни автора, а также создание историко-проективного или справочного раздела словаря, позволяющего показать историко-культурную перспективу термина. Механизм подготовки авторского исторического терминологического словаря-справочника, обнажённый в статье С.С. Волкова, полезен как в методологическом аспекте (и, безусловно, будет учтён при составлении последующих словарей подобного плана), так и в общетеоретическом лингвистическом плане. Некоторое недоумение при этом вызывает отсутствие примеров словарной статьи описываемого словаря, а также вариативность названия этого словаря (обозначаемого то «Словарём риторических трактатов М.В. Ломоносова», то «словарь-справочник «Риторика М.В. Ломоносова») – что, впрочем, объяснимо тем, что Волков описывает не итоги, а процесс своей научной работы.

Если С.С. Волков раскрывает проблемы, с которыми сталкивается лингвист, изучающий и описывающий риторические труды Ломоносова, то **П.Е. Бухаркин** в своей статье «*Краткое руководство к красноречию...*» *М.В. Ломоносова: литературный статус и некоторые проблемы филологического изучения*» предлагает взгляд литературоведа на тот же самый материал. Опираясь на представление риторической культуры о красоте как критерии художественности, а также на рассуждения самого Ломоносова, по достоинству высоко ценившего эстетическую сторону своих трактатов, Бухаркин включает «Краткое руководство к красноречию...» в общеевропейский литературный контекст и замечает, что иллюстративная часть риториче-

ского трактата Ломоносова написана исключительно на русском языке и игнорирует оригиналы иноязычных текстов, переводы которых Ломоносов предлагал. Это не только поднимало культурный статус русского языка, но и превращало Ломоносова в неоспоримо авторитетную фигуру литературного пространства, соответствовавшую «самым неоспоримым авторитетам как древней, так и новоевропейской словесности» (с. 47). Более того – именно литературные примеры позволяют рассматривать ломоносовский трактат как первый в русской культуре опыт «авторского собрания сочинений и переводов» (с. 49). Осознание «Краткого руководства к красноречию...» как литературного феномена актуализирует необходимость его текстологического изучения. Бухаркин напоминает о таких известных ещё с середины XX века проблемах, как неправильный выбор варианта текста «Краткого руководства...» в качестве основного в АПСС, модернизация текста, небрежности его текстологического описания. Автор статьи предостерегает против восприятия «Краткого руководства к красноречию...» и «Краткого руководства к риторике» в качестве вариантов одного текста, а также воспроизводит историю комментирования произведений Ломоносова, подводя к мысли о том, что приемлемой формой современного комментирования «Краткого руководства к красноречию...» могло бы стать лексикографическое его описание.

Необходимость описания художественного языка Ломоносова и проблемы, возникающие на пути исследователя, описаны в статье **Е.М. Матвеева** «Проблемы описания тропов в поэтическом языке М.В. Ломоносова». Ста-

тья явилась промежуточным итогом деятельности группы филологов при ИЛИ РАН, поставивших своей задачей изучить и описать принципы функционирования тропов в поэзии Ломоносова. В результате решения задачи был составлен перечень тропов (метафора, олицетворение, метонимия, синекдоха, перифраза, антономазия, гипербола, литота), релевантных для поэтического языка Ломоносова. В статье приводятся примеры употребления каждого из этих тропов. Кроме тропов, говорится о явлениях, семантически смежных с ними. Таковы олицетворения, аллегория и миф.

Если статьи С.С. Волкова, П.Е. Бухаркина и Е.М. Матвеева, объединённые идеей словарной каталогизации риторических понятий и приёмов, использованных в научных и поэтических текстах Ломоносова, отражают состояние современной филологической мысли, то статья **Чердакова Д.Н.** «Предисловие о пользе книг церковных» в восприятии русской филологии XVIII – начала XIX века» описывает состояние русской критической филологии, в её отношении к творчеству Ломоносова, на рубеже XVIII – XIX веков. Чердаков опровергает сложившееся в русской филологической мысли представление о безусловной авторитетности «Предисловия о пользе книг церковных...» в развитии русской культуры и раскрывает суть новизны рассуждений Ломоносова о славенско-русском языковом синтезе. Теоретически обосновывая тему славенско-русского языкового единства, Ломоносов объединил историко-лингвистическую и риторическую сферу филологического мышления, различив (и соединив) человека читающего (языковые

характеристики этого типа субъекта национальной культуры определяются культурно-исторически) и человека пишущего (чьи языковые характеристики определяются риторически). Славенский и русский языки, как генетические целостности, соотносены со стилями, как риторическими целостностями, претерпевая при этом существенное и сущностное переосмысление: «два языка у Ломоносова преобразуются в три стиля» (с. 77). Послеломоносовская риторика и теория словесности оказалась равнодушна к учению Ломоносова о трёх стилях и ориентируется в его изложении на общеевропейские каноны. В трактовке же историко-лингвистической темы послеломоносовская филология либо отказывается от её внедрения в риторический контекст, либо следует Ломоносову лишь формально, оставляя риторическое начало неактуальным. В заключении статьи делается вывод об изолированности и уникальности учения Ломоносова, представленного в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке».

История риторики в оценке Даниэля Морхофа, немецкого энциклопедиста XVII века, предложена в статье **А.А. Ветушко-Калевича** «Полигистор» Даниэля Морхофа о риторике». Бегло воссоздав рисунок жизни Морхофа и перечислив основные его труды, Ветушко-Калевич подробно останавливается на энциклопедии по истории науки и литературы «*Polihistor literarius, philosophicus et practicus*». Для истории риторики основной интерес в «Полигисторе» представляет глава «*De scriptoribus rhetoricis*» это не только взгляд одного из образованнейших людей XVII века современную

ему риторику, но и важный библиографический справочник по риторике XVI – XVII столетий. Статья Ветушко-Калевича ценна размещённой в ней публикацией латинского текста главы «Полигистора» «*De scriptoribus rhetoricis*» и переводом его на русский язык. По причине того, что текст главы красноречиво говорит сам за себя, несколько излишним кажется пересказ Ветушко-Калевичем её содержания.

М.С. Трофимук в своей статье «Роль античной литературы в формировании теории литературы в Украине XVII – XVIII вв. (на материале курсов словесности Киево-Могилянской академии)» рассматривает характер соотношения украинской словесности (в её практическом и теоретическом вариантах) с опытом античной культуры, опираясь на хрестоматийное утверждение о равноправном сосуществовании на Украине традиции, «базировавшейся на автохтонном литературном процессе», и «античного наследия, имплантированного в украинский культурный процесс учебными курсами поэтик и риторик» (с. 166). Сумевшие получить образование в Европе и вернувшиеся на родину, украинцы получали возможность повышать уровень образования своих соотечественников, читая им лекции в различных учебных заведениях. Трофимук рассматривает рукописные и печатные курсы поэтик и риторик, читавшихся в Киево-Могилянской академии в XVII – XVIII веках, в свете трёх позиций: отношение украинской культуры к античным образцам (римская литература предпочтительнее греческой, но и римская, и греческая литература, в сочетании с идеей «Божественного происхождения поэтиче-

ского творчества» (с. 182), повышали культурный статус литературы и обосновывали самостоятельность поэзии как вида искусства), система жанров (представление о видах и жанрах литературных произведений совпадает с ренессансным генеалогическим учением) и учение о стиле (обучающий курс поэтики и риторики, предполагавший умение студента писать произведения, подражая манере письма того или иного античного автора, спровоцировал развитие литературного процесса на Украине и «превращение литературы на восточнославянских землях в полноценно искусство» (с. 191)).

Воспользовавшись материалами рукописных курсов риторики, написанных на латинском языке и читавшихся в духовных и светских учреждениях российской провинции второй половины XVIII века, **А.Д. Курилова** в своей статье «*Eloquentia officiosa в интерпретации российских риторик XVIII века на латинском языке*» указывает на устойчивый интерес учителей риторики (которыми могли быть как русские люди, так и европейцы) к группе речей, объединяемых понятием *eloquentia officiosa*. Авторы риторических курсов пытаются (правда, неубедительно) предотвратить возможные мысли о сервильности человека, обращающегося к подобным речам, выдвигая «любезность» и «почитание» как главные (и положительные) качества говорящего. В число жанров «любезного красноречия» входят речи поздравительные (с новым годом, с рождением ребёнка, с Рождеством, со свадьбой), речи приветственные, речи благодарственные и просьбы. При этом к «любезному красноречию» не примыкают панегирики, выделен-

ные авторами риторик в отдельный жанр. Несмотря на высказанное намерение проинтерпретировать речи, обозначенные авторами риторики как *eloquentia officiosa*, автор статьи ограничился описанием интересного и малодоступного материала, предложив читателю повод для размышлений о жанровой специфике эпидейктического толка в риторическом сознании русской культуры XVIII века.

Второй раздел книги – «**М.В. Ломоносов и формирование грамматической теории в России XVIII века**» – открывается двумя статьями, связанными общим материалом – им стал текст учебного пособия по русской грамматике «*Grammaire Francoise et Russe en Langue moderne accompagnee d'un petit Dictionnaire pour la Facilité du Commerce*» («**Грамматика французская и русская**»), изданного в 1730 году в Санкт-Петербурге. Опубликованная анонимно и изложенная на французском и русском языках, «Грамматика французская и русская» вызвала (и продолжает вызывать) интерес к национальной принадлежности её автора. Этим же вопросом озадачились и авторы статьи «*К проблеме автора «Грамматики французской и русской»: французский язык текста – ксенолект или родной язык?»* **Е.П. Иванова и К.В. Дрязгова**. Предположив возможность ответа на поставленный вопрос с помощью систематизации ошибок во французском языке учебника, авторы статьи проанализировали опечатки, грамматические ошибки и ошибки перевода текста «*Grammaire Francoise et Russe*» и, на правах вывода, сделали предположение о том, что автором изучаемой книги был, «вероятнее всего, носитель русского языка» (с. 216). К

мысли о русском происхождении составителя «Грамматики французской и русской» приходят также **Н.В. Карева** и **М.Л. Сергеев** в своей статье «*Грамматика французская и русская*» (1730) и *формирование академической грамматической традиции в первой половине XVIII века*». Но вопрос об авторстве «Грамматики» отходит для исследователей на второй план: в центре их внимания – научный и культурный контекст, который во многом сформировал содержание и структуру «Грамматики». Не выверенная и лишённая четко продуманной концепции, «Грамматика» раскрывает вдумчивому взгляду исследователей такие детали, как предполагаемый адресат учебника («скорее он был адресован путешественнику, запоминающему отдельные грамматические правила и слова прямо перед поездкой или уже в дороге» (с. 222)), теоретическая несостоятельность его автора, плохо владевшего лингвистической терминологией и грамматической теорией. Особый интерес представляет та часть статьи, в которой анализируется список сокращённых написаний под титлами в и делается вывод о принадлежности автора «Грамматики» к кругу преподавателей Академической гимназии или сотрудников Академии наук, а также о вероятном существовании списка-архетипа, общего для всех «грамматик Академической гимназии» и основанного на списке из «Букваря» Ф. Поликарпова (1701).

Перипетии судьбы И.С. Горлецкого, одного из первых профессиональных переводчиков в России, представлены в статье **А.С. Смирновой** «*Академический переводчик Иван Семенович Горлецкий*». На основании служебных

документов и академических протоколов Смирнова не только восстанавливает ключевые этапы жизни и переводческой деятельности Горлецкого, но и создаёт живой портрет Академии наук – места службы Горлецкого. Статья сопровождается публикацией рукописного текста автобиографии Горлецкого, до настоящего времени хранившейся в документах М.В. Ломоносова. В автобиографии Горлецкий описывает небольшой период своей жизни с 1717 по 1725 год (то есть время своей поездки за границу для получения образования), встречу и общение с Петром Первым и царским двором и своё назначение в Академию наук.

Процесс постепенного вытеснения латыни из немецкого научного обихода, а также осознание русской культурой высокой конкурентноспособности русского языка по отношению к национальным языкам Европы (испанскому, французскому, немецкому, итальянскому) описаны в статье **К.А. Филиппова** «*Лейбниц – Вольф – Готтшед – Ломоносов: к вопросу о грамматических теориях XVIII века*». Нескольким читателю покажется дублирование в выводах статьи мысли, предложенной в качестве стартовой, о многоаспектности грамматических идей Ломоносова. Но замеченное автором статьи разительное отличие судеб русского и немецкого языков (казалось бы, сходным образом напрягавшихся в становлении собственного научного стиля) заставит задуматься о прихотях и – подчас не замечаемых – парадоксах развития русского языка, оказавшегося вынужденным бороться за свой научный статус не только с латынью, но и с немецким языком, определявшим развитие академической науки в России XVIII века.

Сюжет расхождения судеб русского и немецкого языков (в варианте русской и немецкой грамматикографии второй половины XVIII века) продолжен в статье **В.А. Дюбо** «Изменение немецкой традиции в грамматическом описании русского языка во второй половине XVIII в. (на примере глагольных грамматических категорий)». Сравнив классификации глагольных категорий у Ломоносова и в «Грамматике Пор-Рояля», Дюбо делает вывод об их принципиальной разнице: Ломоносов в своих грамматических построениях ближе всего к немецким грамматикам его времени. В постломоносовский период русские грамматики, в отличие от немецких, ориентировавшихся прежде всего на морфологические признаки в описании грамматического материала, склоняются к использованию принципов универсальной грамматики и тем самым избавляются от немецкого влияния.

Раздел **Идиолект М.В. Ломоносова** открывает статья **Е.А. Савельевой** «Материалы для словаря языка М.В. Ломоносова в Петровской копии Радзивилловской летописи». В статье рассказывается о судьбе созданной в 1713-1716 годах по распоряжению Петра Первого копии Радзивилловской летописи, а также о принципах работы с этой копией М.В. Ломоносова. Хотя интерес Ломоносова к содержанию копии заключался, в основном, в сведениях исторического характера, Савельева замечает, что в контексте выполнения поручения канцелярии Академии наук по доработке и дополнению русско-латинского словаря важное для филологов значение будут иметь пометки лингвистического характера, оставленные Ломоносовым

на полях копии. Как правило, это были всевозможные лингвистические примечания и латинские формы для древних русских слов, которые не были понятны в середине XVIII века. Завершается статья перспективным выводом о том, что переводы Ломоносовым «отдельных терминов на латинский язык как в летописи, так и в других прочтенных и комментированных им рукописных и печатных книгах могут служить материалом для пополнения словаря языка Ломоносова» (с. 303). К статье прилагается копия тех страниц Петровской копии Радзивилловской летописи, на которых Ломоносов оставил комментарии и пометки лингвистического характера.

В статье **И.Н. Левиной** «Словарное описание идиолекта М.В. Ломоносова на синтаксическом уровне: изъяснительное предложение» анализируется лексикографическая презентация идиолекта Ломоносова на синтаксическом уровне. В качестве единицы описания рассмотрена модель сложноподчинённого изъяснительного предложения. Разработанная Левиной структура словарной статьи учитывает грамматический, коммуникативный и семантический аспекты описания предложения. Статья сопровождается пробными словарными статьями, дающими описание изъяснительного предложения в идиолекте Ломоносова, со словами «доказать»/ «доказывать» и «сомневаться».

Судьбу слов «пустить», «пускай», «пуцай» проследили **М.Г. Маматова** и **Д.В. Руднев**. И хотя название их статьи – «Функционирование слов *пустить/пускай/пуцай* в языке М.В. Ломоносова» – обещает ограниченный жёсткими временными границами

1739 – 1765 годов взгляд на семантику, грамматический и стилистический статус обозначенных слов, авторы сделали гораздо больше: с одной стороны, они выявили трансформацию семантики данных слов, рождение их нового грамматического статуса (частицы, помнящие о своём глагольном происхождении, начинают выполнять союзные функции), с другой стороны, они, пусть и косвенно, но затронули историю становления сложноподчинённого предложения со значением уступки, допущения. Наблюдения М.Г. Маматовой и Д.В. Руднева снабжены обильными и часто со вкусом отобранными цитатами текстов Ломоносова, что придаёт научной статье особый – поэтический – шарм, и были бы ещё более полезными читателю, если бы сопровождалась не только ссылкой на том и страницу источника цитаты, но и названием цитируемого произведения, а также годом его создания. В целом исследование авторов статьи можно расценивать как малый вклад в большую науку об истории становления русского литературного языка.

Разработанный Р.О. Якобсоном поэтико-грамматический подход к художественному тексту нашёл достойное продолжение в работе **Ф.Н. Двинятина** «Количественная грамматика глагола в торжественных одах М.В. Ломоносова». Наблюдения над функционированием глагола в торжественных одах Ломоносова позволили автору статьи сделать вывод о доминировании глаголов настоящего времени, о постепенно возрастающей роли глаголов повелительного наклонения, о колебаниях как длины глаголов, так и их количества от первой оды Ломоносова к последней. В целом об-

зор количественной морфологии глагола в торжественных одах Ломоносова рассматривается Двинятиным как «первый шаг в исследовании количественной глагольной морфологии русской поэтической традиции вообще» (с. 399).

Проблема «Ломоносов и топонимика Арктики» поднята в статье **А.А. Бурькина** «Ломоносов и топонимика Арктики (некоторые задачи интердисциплинарного изучения текстов)» и представляет собою пример продуктивности междисциплинарных исследований. Материалом исследования Бурькина стали не столько поэтические, сколько научные тексты XVIII века, и в особенности – «Краткое описание разных путешествий по северным морям...» М.В. Ломоносова, отписка С. Дежнёва об отрядном походе на восток от Колымы, «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю...» Г. Миллера. Сопоставление этих текстов позволило автору статьи сделать предположение о том, что «коч Дежнёва был выброшен на берег где-то на территории современного Беринговского района Чукотки, откуда казаки <...> вышли в долину реки Великой и дошли по ней до её устья» (с. 408). Особое внимание Бурькин обращает на описание Ломоносовым некоего острова в Северном Ледовитом океане (относившегося, как выяснилось впоследствии, к Медвежьим островам, Новосибирским островам и острову Врангеля) и предполагает возможный источник этого описания. Завершает статью наблюдения над спецификой употребления топонимов в торжественных одах Ломоносова.

Завершается третий раздел книги статьёй **К.В. Манеровой**, занявшей-

ся изучением специфики немецкого языка Ломоносова («*Немецкий язык М.В. Ломоносова (на примере хронологической отнесённости идиолекта учёного)*»). Немецкий язык, безусловно, был важен для Ломоносова как в деловом, так и в научном и даже в личном (семейном) общении. Освоенный на высоком уровне, немецкий язык Ломоносова предоставляет лингвистам обширный материал для исследования. Работа по изучению немецкой составляющей идиолекта Ломоносова ведётся группой германистов, в число которых входит и К.В. Манерова. В процессе этой работы была рождена идея словаря «М.В. Ломоносов и немецкая культура XVIII века». Модель словарной статьи включает в себя, в числе прочих, компонент «хронологическая характеристика» описываемого слова. Признаками устарелости того или иного употреблявшегося Ломоносовым немецкого слова могут служить (по классификации Манеровой) его орфографическое написание, морфологические особенности, манера сокращать слова, использование терминов, канцеляризм, некоторых заимствований, региональных и диалектных вариантов, а также употребление образных средств. Сопровождается профессиональными комментариями,

немецкий язык Ломоносова не только получает в словаре лингвистическое и культурологическое освещение, но и позволяет «раскрыть индивидуальную неповторимость личности Ломоносова» (с. 424) (так, например, читателю открывается, что своё негативное отношение к чему-либо или к кому-либо Ломоносов подкреплял метафорами, чего при хорошем расположении духа обычно не делал) и «сообщить новые и интересные факты о рецепции немецкой культуры в России XVIII века» (с. 424).

В качестве **приложения** к сборнику выступает развёрнутая рецензия **А.В. Волынской** на книгу Б. Зубакина «Новое и забытое о Ломоносове». Б.М. Зубакин (1894 – 1938) – поэт и философ Серебряного века. Отбывая в 1929 – 1937 гг. ссылку в Архангельском крае, он написал книгу о жизни Ломоносова. Долгое время рукопись книги хранилась в личном архиве К.П. Гемп, а затем, по инициативе Гемп, перешла в руки историка-архивиста В.А. Волынской, которая и подготовила рукопись к изданию.

Сборник снабжён библиографией, указателем имён и списком сокращений.

О.В. Алексеева, Е.Я. Антонова

НАШИ АВТОРЫ

Алексеева Оксана Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Северного (Арктического) федерального университета; e-mail: je1vu@yandex.ru

Антонова Елена Яковлевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Северного (Арктического) федерального университета; e-mail: vozgeli@yandex.ru

Злобин Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, журналистики и интегрированных коммуникаций Вятского государственного университета; e-mail: zlobin_andrei@mail.ru

Иванова Татьяна Юрьевна – аспирант кафедры современного русского языка. Московского государственного областного университета; e-mail: ivanova351@yandex.ru

Климчукова Вера Николаевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета; e-mail: kaf-ruskdvv@mgou.ru

Лагузова Евгения Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского; e-mail: laguzova.e@mail.ru

Насырова Алена Салаватовна – аспирант кафедры русского языка, стилистики и журналистики Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета; e-mail: alena.murka2009@yandex.ru

Никифорова Ольга Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и методики его преподавания Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (ННГУ); e-mail: snegaovnik@rambler.ru;

Петрова Анна Викторовна – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: netochka-1@yandex.ru

Пряников Александр Викторович – кандидат филологических наук доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (ННГУ); e-mail: Pryanikoff14@yandex.ru.

Соболева Анна Александровна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры русской классической литературы и славистики Литературного института имени А.М. Горького; e-mail: soboleva84@inbox.ru

Стрельникова Алла Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета; e-mail: a-strelnikova@mail.ru

Чупринова Наталья Викторовна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; e-mail: chuprinova@mail.ru

Шкварцова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Московского государственного университета печати имени Ивана Фёдорова; e-mail: shkvarcova@bk.ru